

Александр Грановский

АМАРОК

Александр Грановский

Амарок. Или Последняя игра

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38271124

ISBN 9785449348753

Аннотация

АМАРОК – книга о главных тайнах Сталина, о которых до сих пор не принято говорить. Но и эти тайны тоже часть истории, которую нужно знать, чтобы не совершать новых ошибок. Книга вошла в хрестоматию «Русская советская российская проза».

Содержание

АМАРОК

5

Конец ознакомительного фрагмента.

94

Амарок

Или Последняя игра

Александр Грановский

© Александр Грановский, 2018

ISBN 978-5-4493-4875-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

АМАРОК

или **Последняя Игра**

Настоящая правда всегда неправдоподобна.

Ф. М. Достоевский

1

Он уже давно не видел себя в зеркало и невольно вздрогнул, словно натолкнулся на этот взгляд, который посмел рассматривать его в упор с непозволительного расстояния прицела. Но, как всегда, оказался начеку, на миг, позабыв, где сейчас находится и кто с ним.

Главное, подчинить противника глазами. Особенно, в первые секунды, когда тот еще растерян и не знает, с какой стороны последует удар. Чтобы даже не понял, что удар уже последовал.

Неуловимое движение глаз и губ, и он, Сосо, уже другой. Глубокие морщины устало перечеркивают лицо, будто кто-то поспешил поставить на нем крест. С тем, портретным, конечно, не сравнить – там художники, лучшие спецы – вся страна, можно сказать, создавала образ, чтобы он вошел в историю на века.

Наверное, сейчас его не узнала бы и родная... Он подумал о матери – хотел подумать... Но увидел, словно припо-

рошенное снегом, лицо своей первой жены, Кето, которая так мечтала стать матерью, но Бог прибрал ее совсем юной, и когда они снова свидятся, он будет уже стариком, беспомощным и дряхлым.

Возможно, это и есть плата за его грехи – жить долго.

Последняя папироса, последняя капля горечи в иссохшем горле – и можно, наконец, уснуть. Потерянно забыться в тревожном сне. Так и уснуть, не раздеваясь, чтобы в любой момент быть готовым ко всему. Чтобы, если Они придут (а Они придут... не могут не прийти) – встретить их во всеоружии: глаза в глаза!

Где-то в глубине ночи проснулись часы и начали сонно отбивать удары. На последнем вздрогнул, отложил погасшую трубку и, словно о чем-то вспомнив, а на самом деле, боясь потерять пока еще смутную и не до конца осознанную мысль, слегка прихрамывая, направился к столу.

Это был большой, зеленого сукна, стол для заседаний. Раньше он принадлежал самому генералу Адрианову – градоначальнику Москвы, потом Троцкий великодушно подарил его Ленину, который просто обожал такие добротные и веские вещи, с их ни с чем несравнимым запахом порядка и тайны.

Легкое нажатие на дубовый завиток, и из стола бесшумно выехал тайник. Здесь хранился архив, где на каждого приближенного имелась своя карточка.

Некоторые были пожелтевшими от времени, другие совсем новыми. Много лет он, Сосо, собирал эту картотеку власти и сейчас, возможно, в последний раз взирал на главный труд своей жизни.

Выхватил наугад несколько убористо исписанных карточек: Зиновьев-Апфельбаум Гершель Ааронович... Бронштейн-Троцкий Лейба Давидович... Лаврентий Берия... Лазарь Каганович... Ульянов-Ленин... И о каждом из них он знал все (или почти все), о чем они так старались забыть, вытравить из памяти навсегда.

Мало ли у кого какие были грешки.

Рыться в этих карточках, пополнять информацию было его любимым занятием. Мог проводить за ним долгие часы, словно играл в одному ему понятную игру и всегда выигрывал.

Кто-то коллекционировал бабочек, он – людей, во всем разнообразии их пороков и слабостей. Жаль только, что нельзя обмениваться отдельными экземплярами с другими коллекционерами (хотя бы с тем же Рузвельтом или с Черчиллем, которые наверняка тоже имели подобные «коллекции»).

Но кому нужен старый развратник «Н» или потомственный алкоголик «Е»? Хотя, как говорил его друг юности Гурджиев, порок это обратная сторона таланта. Ибо в каждой силе есть своя слабость. То самое единство и борьба противоположностей, которые правят миром. И каждый правитель

должен об этом знать.

В небольшом отделении архива находились несколько папок денег и подписанные конверты с документами, которые уже давно не имели значения. Но он зачем-то продолжал их хранить, как хранят старые фотографии, чтобы на склоне лет вспоминать молодость, которая уже не вернется никогда.

Впрочем, какая молодость? У революционеров не бывает молодости. Все они, словно меченые смертью, незаметно привыкают презирать жизнь с ее суетой и мелочными заботами, которые только отвлекают от борьбы. Кто-то в этой борьбе, конечно, погибает, но на смену им приходят другие революционеры, которые мечтают сделать мир лучше, а в итоге оказываются в тюрьме – «в школе революции», как называл тюрьму Ленин.

В «школе революции» их научат выполнять приказы.

Георгий Гурджиев называл таких революционеров – «люди-машины», главное – научиться такими «людьми-машинами» управлять. А, точнее – повелевать. Это «повелевание» бывает внешнее и внутреннее. Внешнему – Гурджиев обучил Гитлера.

Но важнее всего – «повелевание» внутреннее. Когда на какой-то миг становишься частью другого человека или... зверя, которого можно в доли секунды осадить в прыжке и заставить, поскуливая, лизать сапог.

Он, Сосо, такие штуки проделывал еще во время своей

ссылки в Туруханске. Сначала с собаками и волками, а потом и с самим царем зверей – тигром, с которым однажды столкнулся на тропе.

И хотя у него было в руках ружье, ему и в голову не пришло стрелять. словно стрелять в самого себя, в свои глаза, такие же внимательные и желтые, которые он... узнал. И они его узнали. Потому что это был он – витязь в тигровой шкуре из Каджети, с которым они рано или поздно должны были встретиться. И это был высший знак. Тигр его признал... и уступил дорогу.

...Взвесил в руке хромированный пистолет-зажигалку, навскидку прицелился в темный проем окна. В последний миг успел загадать желание и все-таки вздрогнул, когда вместо выстрела из дула выплеснул голубоватый огонек. Секунду, другую смотрел на него, как замороженный, и только потом позволил себе улыбнуться.

Маленькая элегантная игрушка была с секретом и легко превращалась в пистолет, который мог стрелять такими же элегантными хромированными пульками.

Он не помнил, в каком положении оставил в последний раз таинственный предохранитель, но, к счастью, выстрела не последовало, и это был уже хороший знак.

Абакумов утверждал, что игрушка – единственный в своем роде экземпляр. И неповторимый. Ради этой неповторимости и пустил искусного мастера в расход. словно лишний

раз, доказывая его, Сталинское, когда-то брошенное в запа-
ле политической борьбы, что незаменимых людей нет.

Нет, то оно, конечно, нет. Надо только поставить челове-
ка в условия, чтобы захотел... Очень захотел. Но и мастера
другого такого нет.

Блестит, переливается хромированная поверхность. При-
ятная тяжесть уютно покоится в руке. Все исполнено точно
по ладони. Каким-то образом измерили, учли. Иногда ему,
Сталину, кажется, что Они знают о нем все и уже давно на-
учились предвидеть каждый его шаг, каждое слово, даже же-
лание. Одного Они не учли – время, которое первым начнет
отсчитывать он.

Из денег, поколебавшись, взял всего пачку.

Много это или мало – представлял смутно.

Ленин часто любил цитировать Ницше («деньги это дерь-
мо, но дерьмо это не деньги») и после революции даже по-
пытался, на пару с Троцким, деньги отменить.

Это была катастрофа. Пришлось в срочном порядке вво-
дить НЭП, чтобы хоть как-то заработал рынок, а с ним
и остальная экономика.

Но есть вещи посильнее денег.

Даже не понял, как в руках оказалась фотография, кото-
рую хранил на самом дне тайника. Словно хотел и боялся
этой встречи, -встречи со своей юностью, – с Кето.

Маленькая пожелтевшая фотография словно излучала

свет и чем больше он в неё всматривался, тем больше закрадывалась мысль, что может, и не было никакого прошлого, а все это сон, как считал его друг Гурджиев. А все люди – это спящие боги, которых надо разбудить, чтобы им подчинилась Вселенная. Тогда каждый сможет совершать чудеса и исполнять желания. Но проснулся всего один бог. Значит, могут быть сны сильнее бога.

2

Тяжелая дубовая панель со скрипом повернулась. Из черного проема дохнуло спертым воздухом подземелья. На секунду замер, прислушиваясь. Нет, скорее всего, показалось.

Он не знал, кто и когда построил этот ход – царь Иван Грозный или еще его бабка, византийская принцесса Софья Палеолог, знал только, что существует, чтобы понадобится в случае чего. Еще подумал, что потому и понадобится, что существует.

Ибо все связано со всем. Не будь этого хода, и он не включил бы его в свой план. Может даже, не будь хода, и самого бы плана не было. А так, благодаря ходу, а значит, и Ивану Грозному, история повторяется. И человек повторяется.

Иногда ему и в самом деле казалось, что все уже было, и сейчас он просто повторяет одну из прежних своих жизней. Возможно, того же Ивана Грозного или жестокого (но справедливого) Тамерлана (с которым он даже чувствовал мисти-

ческую связь).

Истории нужны повелители, чтобы ускорить ход жизни, подтолкнуть колесо истории, которое рано или поздно начинает пробуксовывать. И тогда человечество охватывает темная тоска, как долгой зимой в заброшенной Курейке, на краю Земли.

В сущности, у всех великих много общего.

Меняются только имена.

Что, впрочем, укладывается в диалектический и исторический материализмы (в которые, при желании, можно уложить все).

Даже этот страх – облепляющий страх ночи, когда начинаешь понимать, что все «достижения» такой же тлен, как и сама жизнь.

«Все проходит...». Время не различает ни рабов, ни героев, и начинает закрадываться еще не страх, а некое предощущение страха (которое, порой, сильнее) – страха за будущее. И настоящее. Которое ему уже не принадлежит.

И тогда ход – последняя надежда. Последнее испытание судьбы.

И, как всегда, это до дрожи знакомое, что в темноте кто-то есть. Может быть. Подстергать... и только ждет момента, чтобы исполнить приговор.

Но секунды шли, растягивались до предельного озноба, а того, главного страха, не было. Он уверен, что распознал бы его сразу.

А вот Распутин распознать не смог. И никакой бог ему не помог. Хотя и повторял на каждом шагу: «По вере вашей да будет вам. По вере вашей...»?

В семинарии учили, что все могут получить от Бога ровно столько, сколько просят – найти ответы, какие ищут. Отворить те двери, в которые стучатся.

Может, Григорий не просил – не хотел просить (во всяком случае, для себя), ибо и так слишком много просил для других. Особенно в последнее время, которое ему уже не принадлежало.

И тогда он пишет это письмо царю, а на самом деле – Богу, которого вольно или невольно ставит перед выбором. И Бог, конечно, простить ему этой вольности не смог.

«Я пишу это письмо, последнее письмо, которое останется после меня в Санкт-Петербурге. Я предчувствую, что умру до 1 января (1917 года). Я обращаюсь к Русскому Народу, к Папе, Маме и Детям (к Царю, Царице и их детям), всей русской Земле, что им следует знать и понять. Если я буду убит обычными убийцами, особенно своими братьями – русскими крестьянами, то Ты, Русский Царь, не должен бояться за Детей Своих, – Они будут править в России еще сотни лет.

Но если я буду убит боярами и дворянами, если они прольют мою кровь, и она останется на руках их, то двадцать пять лет им будет не отмывать моей крови со своих рук. Им

придется бежать из России. Братья будут убивать братьев, все будут убивать друг друга и друг друга ненавидеть, и через двадцать пять лет ни одного дворянина в России не останется. Царь Земли Русской, если услышишь Ты звон погребального колокола по убиенному Григорию, то знай: если в моей смерти виновен кто-то из Твоих родичей, то скажу Тебе, что никто из Твоей Семьи, никто из Твоих Детей и Родных не проживет более двух лет. А если и проживет, то будет о смерти молить Бога, ибо увидит позор и срам Русской Земли, пришествие антихриста, мор, нищету, поруганные храмы Божий, святыни оплеванные, где каждый станет мертвецом [...].

Три раза по двадцать пять лет будут разбойники черные, слуги антихристовы, истреблять Народ Русский и Веру Православную. И я погибну, погиб уже, и нет меня более среди живых. Молись, молись, будь сильным, думай о Своей Благословенной Семье!

ВАШ ГРИГОРИЙ»

И хотя, потом оказалось, что Распутина убил не Феликс Юсупов, а агент британского Секретного разведывательного бюро Освальд Рейнер, который тогда работал при императорском дворе в Петрограде, – в конечном счете, это ничего не меняет. Ценой своей жизни Григорий добился своего – послал миру предупреждение.

Но смертельный маховик было уже не остановить.

Расплата настигла Освальда в 1920 году в Финляндии. Пуля вошла ему точно в центр лба, как и у Григория Распутина.

Из признания агента выяснилось, что мотив убийства, в отличие от князя Феликса Юсупова и его друга Пуришкевича, у Рейнера был совсем другой. Британия боялась, что немцы через Распутина и его влияние на Николая второго, а главное – на его супругу будут стараться заключить сепаратный мир с Россией.

Если бы это произошло, то 350 тысяч германских солдат были бы переброшены на западный фронт, чего европейские союзники, конечно же, допустить не могли.

Тогда Германия и Россия могли оказаться в победителях. И вся история пошла бы по-другому. Ленина с кучкой замшелых революционеров никто бы в plombированном вагоне в Россию не засылал. А делать революцию у своего родственника Ротшильда в Англии Троцкий бы просто не решился. Оставалась только Мексика, в которой, правда, нет пролетариата. Но Троцкий пролетариату никогда не доверял, ибо, как можно доверять людям, которым нечего терять. В теории Ленине он тоже успел разочароваться. Особенно после революции 1905 года, когда теория Маркса-Ленина потерпела полный крах.

А любимец Ленина – Свердлов был в тот момент далеко – вместе с ним, Сталиным, в забытой богом Курейке, и ни о какой революции не думал. А думал, как разделить, отловленную в Енисее, нельму, нарубить для печки дров или сделать

блесну. Остальное время строчил письма, чтобы его перевели в большое село Монастырское.

Жизнь в Курейке сурова. Девять месяцев зима, три недели лето. Морозы за 50 не редкость, что самому удалось добыть, то и съел.

Это было самое дальнее и северное место ссылки. Двадцать километров от Полярного круга. Чтобы никто не сбежал. Четыре месяца на перекладных до Енисея, а там еще три недели (две тысячи километров) на утлой лодчонке по реке. На пути водовороты и пороги. На берегу звери.

За несколько лет в этой дыре можно сойти с ума или стать зверем. Но он сам смастерил себе все нужное для рыболовства и охоты, от сетей и силков до гарпуна и топорика, которым прорубал лед. Целый день охотился, ловил рыбу, колол дрова, топил печь, готовил еду.

Как потом он рассказывал брату своей будущей жены, Надежды – Федору Аллилуеву: «Мороз все крепчал... голубоватый в свете Луны снег, тени торосов. Ледяная пустыня. Но подул северный ветер, завьюжило, и скрылись звезды. Начиналась пурга. Вешки, которыми отмечали путь, исчезли. При каждом порыве ледяной стужи лицо немело, превратившись в ледяную маску. Пар изо рта смерзался. Голова и грудь покрылись ледяной коркой, дышать невозможно, обиндевшие веки слипались. Тело растеряло тепло. Но он все шел. И дошел».

Выжил. И даже полюбил эту жизнь с ее суровым бытиём,

и с такими же суровыми людьми. А главное – понял, почему они здесь живут, почему не рвутся, как тот же Яшка Свердлов, в места, где жизнь устроена лучше. Где не нужно в лютые морозы добывать корм, разгребать снег, ходить на охоту, ловить рыбу. Благо, спасительная река рядом, и в ней пока еще много рыбы.

Думал-думал: жить нельзя – а раздумался: можно», – как говорил старообрядец Акинф Ложкин, который, словно знал какую-то тайну, которая делала его сильнее.

Зимой, правда, поймать рыбу не просто, так как, она спит. Почти вся семга скатывается к большой воде или остается зимовать «на ямах», которые надо знать. А чтобы рыба заметила блесну, её надо покрывать специальным светящимся фосфором.

И он делал такие блесны.

А чтобы не проваливаться в снег, надо надевать широкие лыжи, по следу которых будут терпеливо бежать волки, пока их не почувствуют собаки. Но он волков почувствует еще раньше и начнет незаметно замыкать круг, чтобы собаки и волки встретились, и от этой встречи его сучка Аза родила волкопса. И тогда у него будет всегда хорошая охота.

Так делали в горах его предки, и такой волкопес стоил десяти собак.

А еще с таким волкопсом можно смело бежать из любой ссылки. Лучшего друга для побега не найти. А потом он по-

дарит этого волкопса знакомому шаману, который будет считать, что это он, Сосо, превратился в духа по имени, Амарок, чтобы спасти племя от весеннего голода. Как сделал в свой прошлый побег. Но в этой ссылке ему не везет, зря только мучает собак.

Словно волки научились читать его мысли и не хотят замыкать круг. А это значит, что весна в этом году в Курейке будет поздней, и время для побега будет упущено. Знать, не хочет дух Амарок отпускать его в 1917 год.

А ведь они с Распутиным встречались. Казалось бы, случайно.

Но друг Гурджиев сказал, что случайностей не бывает и заставил вспомнить все. И серо промозглый Невский, и крики извозчиков, и тень филера, который вел его уже давно – от самой квартиры Аллилуевых, в которой его настигла ночь. И сейчас он искал людное место, чтобы отделаться от филера, как от голодного пса.

У ресторана «Астория» было не протолкнуться. Бородастые швейцары с золотыми галунами с криками «Посторонись!» держали оборону. Не раздумывая, смахнул шапку и сквозь душистые дамские меха протиснулся в первые ряды.

Без шапки для филера его нет. Не за что зацепить взгляд. Да и опасаются филеры толпы, в которой все меняется быстрее, чем филер успевает сообразить и принять решение.

И сейчас главное – стать частью этой толпы, которая уже начинала раскачиваться и набирать силу, чтобы в следующий момент с криками: «Едет, едет... едет!» – хлынуть в образовавшийся просвет – навстречу этому «порочному праведнику, небесному распутнику, ангелодемону, спасительному погубителю, святому черту России» – как только тогда не называли Распутина, чтобы испугать и испугаться, сделать знаменем толпы, которая – страшная сила. А главное – слепая, которая не склонна подчиняться. В какой-то момент толпе может показаться, что она и есть власть. Выше царя и даже бога. В сущности, она и уничтожила Распутина, который отнял у нее бога.

И тогда Ленин отнял у толпы царя.

Причем, за его, Сталина, спиной, пока он на фронте спасал революцию от безумия свободы, а потом всю ночь напролет читал отчет о расследовании цареубийства (составленный генерал-лейтенантом М.К.Дитерихсом), о котором уже потрясенно гудел запад*.

До такого не додумался даже он, Сосо, – единственный азиат, среди этих европейцев. А Ленин был на подъеме. Он бросал в толпу новые слова, которые ничего не значили, но оттого начинали значить еще больше, словно превращая их в заклинания, которых так не хватало, чтобы оправдать кровь.

И эта его ухмылочка, которую почему-то назовут отеческой. И вздернутая, как у беса, бороденка. И в прищуре

упрятанные глаза, в которых смерть, смерть, смерть – неутоленная жажда смерти, которая накапливалась годами, и которой он мог теперь управлять росчерком пера:

– Тонкая работа, – поделился радостью. – Но грязная. Спасибо, товарищ Свердлов постарался. А как вы, голубчик, думали? Геволуция – это гязь, но геволуция это и искусство. И, как всякое искусство, она тгебует жегтв и еще раз жегтв.

3

Мокрые ступеньки круто уводили вниз. Здесь ход расширился, и можно было выпрямиться во весь рост. В свете фонарика поблескивали неровные камни свода.

С этой минуты его сердце стало часами и начинало свой отсчет времени. Десять минут до развилки, еще восемь до прикованного к стене скелета, затем поворот налево – и через каких-то несколько минут он окажется в темном переулке, где его всегда ждут.

Серая обыкновенная «Победа». Другая машина в это же самое время будет на Мясницкой, третья – возле Красных ворот, четвертая – на Герцена, если он надумает от развилки взять вправо, и так далее еще в десятке точек.

Раньше у него была карта – старинная такая карта, с готическими обозначениями на немецком, который он неплохо знал, но старо немецкий понимал с трудом.

Эту карту при тайном обыске удалось обнаружить в каби-

нете вождя. Сразу понял, что она и есть главное. Ленин был уже смертельно больным – мучительно доживал последние дни в Горках.

Даже у него, Сосо, просил яду, чтобы прекратить мучения, но Он сделал вид, что не понял. Хотя оба хорошо поняли и знали, о каком яде может идти речь*.

*Эта лаборатория по ядам была создана Лениным в 1921 году и именовалась «Специальным кабинетом». Потом она называлась «Лабораторией X», «Спецлабораторией No 12», «Камерой». Возглавлял «лабораторию» Григорий Майрановский.

Основная цель лаборатории состояла в поиске ядов, которые нельзя было бы идентифицировать при вскрытии (Вскрытие Ленина сделали через 4 часа после смерти, к токсикологическим исследованиям на яды приступили только через шестнадцать часов, когда точно знали, что никаких ядов уже не «идентифицировать»).

Сначала Майрановский испробовал безвкусовые производные иприта. Причем, он начал экспериментировать с этими веществами даже раньше, чем его коллеги в нацистской Германии, где впервые эксперименты с ипритом были проведены на заключенных Заксенхаузена в 1939 году. Результаты экспериментов Майрановского с производными иприта закончились неудачно: яд обнаруживался в трупах жертв. Нацистским коллегам Майрановского было проще: производное

иприта «Циклон Б» срабатывало в лагерях смерти эффективно, и не было необходимости скрывать его применение.

Больше года ушло у Майрановского на «работу» с рицином – растительным белком, содержащимся в семенах клещевины. Поскольку пробовались разные дозы рицина, остается только гадать, сколько жертв погибло при этих экспериментах. Действие каждого из других ядов – дигитоксина, таллия, колхицина – опробовалось на 10 «подопытных». За мучениями жертв, не умерших сразу, экспериментаторы наблюдали в течение 10—14 дней, после чего «подопытных» убивали. В конце концов, был найден яд с требуемыми свойствами – «К-2» (карбиламинхолоинхлорид). Он убивал жертву быстро и не оставлял следов. Согласно показаниям очевидцев, после приема «К-2» «подопытный» делался «как бы меньше ростом, слабел, становился все тише. И через 15 минут умирал».

Для проверки надежности для яда К-2 устроили «независимую экспертизу»: труп одного из отравленных ядом был привезен в морг института им. Склифосовского, и там патологоанатомы произвели обычное вскрытие. Диагноз ничего не подозревающих врачей был однозначный: человек умер от острой сердечной недостаточности.

В 1942 году Майрановский обнаружил, что под влиянием определенных доз рицина «подопытный» начинает исключительно откровенно говорить. Майрановский получил одобрение руководства НКВД-НКГБ работать над новой те-

мой – «проблемой откровенности» на допросах. Два года ушло на эксперименты лаборатории Майрановского по получению «откровенных» и «правдивых» показаний под влиянием медикаментов. Были безрезультатно опробованы хлоралскополамин и фенаминбензедрин. Допросы с использованием медикаментов проводились не только в лаборатории, но и в обеих тюрьмах Лубянки, №1 и 2.

Помимо самих ядов, проблемой был и способ введения их в организм жертвы. Сначала яды подмешивались к пище или воде, давались под видом «лекарств» до и после еды или вводились с помощью инъекций. Было опробовано и введение яда через кожу – ее обрызгивали или смачивали ядовитым раствором.

Потом пришли идеи трости – колки и стреляющей авторучки. На разработку отравленных маленьких пуль для этих устройств, эффективно убивающих жертву, было потрачено много времени и усилий.

После окончания войны Майрановский и два других сотрудника лаборатории были посланы в Германию для розыска немецких экспертов по ядам, экспериментировавших на людях. Майрановский вернулся в Москву убежденным, что достижения нацистских экспертов в этой области были гораздо меньшими, чем советских.

По заданию Берия «Майрановский до конца 1949 года занимался разработкой вопроса об отравлении пылеобразными ядовитыми веществами через вдыхаемый воздух». Общее

количество жертв экспериментов с ядами, проводившихся в лаборатории Майрановского достигало более 250 человек. Среди тех, кто расстался с жизнью в пресловутой «Камере», были не только наши зэки, получившие «вышку». Здесь нашли смерть и германские, и японские военнопленные, поляки, корейцы, китайцы, обвиненные в шпионаже.

Но был шкафчик с ядами и у Генриха Ягоды, с которого «Спецлаборатория X», собственно, и началась еще в 1917г. И эту работу с ядами Ильич считал архиважной для революции, словно наперед знал, что яд когда-нибудь потребуется и ему.

Достаточно вспомнить последнее ухудшение, когда уже с трудом выговаривал слова. Это были даже не слова, а какие-то непонятные звуки, которые понимала только Крупская.

Казалось, полный распад личности. И вот, в таком состоянии, вождь заставил везти себя в Москву, в Кремль, в свой кабинет, где зачем-то рылся в столе (возможно, карта хранилась в тайнике, куда он ее переложил, чтобы легче было найти, а потом забыл), что-то искал в библиотеке.

Делал вид, что нужны книги – взял Плеханова, Троцкого, Гегеля (которого так и не смог за всю жизнь одолеть) и, чем-то расстроенный, уезжает... чтобы умереть.

Если искал карту, то зачем, кому она могла понадобиться, какая за всем этим скрывалась цель? Или это была не карта,

а завещание, которое вдруг решил заменить по совету агента Троцкого Крупской. На это завещание уже давно шла охота, и от того в чьих оно окажется руках может зависеть судьба всей страны.

Уже творилась легенда: «Ленин – жив, Ленин жил, Ленин – будет жить». Последняя вспышка ясности в его к тому времени наполовину разрушенном мозгу (он, Сосо, видел потом этот заспиртованный в сосуде мозг: одно полушарие обычное, а вместо другого что-то сморщенное на веревочке величиной с орех).

А что касается завещания...

Ведь, по большому счету, никто больше не сделал для Ленина, чем он, Сталин. Для Ленина и всей его партии, которая столько лет жила себе припеваючи на деньги, которые с риском для жизни добывали ему он с Камо.

Огромные деньги, если подсчитать за многие годы. Ибо революция – это, прежде всего, деньги и еще раз деньги, как любил повторять сам Ленин.

И даже этих денег не хватило на революцию 1905 года, которая потерпела крах. И тогда Ленин просил, а потом уже и требовал еще больше денег, и он, Сталин, добывал ему эти деньги.

Может, именно это Ленин и хотел скрыть? Может, с картой и завещанием были какие-то счета, так сказать, цена революции, о которой не должны знать потомки? Эти счета могли понадобиться Троцкому, а, может, и кому повыше.

Ведь, это были не просто счета, а векселя, которые для кредитора важнее, и по которым кто-то рано или поздно должен будет вернуть долг. Возможно даже с процентами.

Но в тайнике ни счетов, ни завещания не оказалось. Счета – это улики, от которых Ленин избавился раньше. А завещание хранилось у агента Троцкого – Крупской.

Другое дело карта. А точнее – секретная карта подземных ходов Кремля. Эту карту Ленин до последнего хранил в тайнике, и вдруг надумал передать ему, Сталину, словно хотел сказать... но уже не смог. И никто не смог. Так как, у кого теперь была карта, тот и главный.

Из Кремля подземный ход вел за Москву, а там аэроплан – маленький немецкий «Роланд», который рассчитан на троих – Ленин и еще двое: в первую очередь – Яшка Свердлов (главный хранитель алмазного фонда), ну и, конечно, Троцкий, без которого Ленин – особенно в последнее время – был, как без рук (а точнее, как без мозга).

Для него, Сталина, места не оставалось, о нем попросту забыли, не учли (в горячке революции), не успели посвятить в План.

Хотя, какой у них мог быть план? Такой же, как и сам Ленин, о котором много лет назад в эсеровском журнале «Наше эхо» в статье «Ленин» с молодым задором писал никому еще неизвестный «литератор» Вячеслав Менжинский:

«Если бы Ленин на деле, а не в одном воображении сво-

ем получил власть, он накуралесил бы не хуже Павла I-го на престоле. Начудить сможет это нелегальное дитя русского самодержавия. Ленин считает себя не только естественным приемником русского престола, когда он очистится, но и единственным наследником Интернационала. Чего стоит его план восстановить свой интернационал, свой международный орден и стать его гроссмейстером!

Важным политическим фактом является выступление Ленина в роли самого крайнего из социалистов, революционера из революционеров. Он объявил войну монархам везде и всюду. Их место должны занять – где социалисты, где демократическая республика, а где республика tout court. Картина: – пролетариат, проливающий свою кровь ради олигархии. Нет, Ленин – не Павел, тот был полусумасшедшим пугаником, а не политическим шатуном. Ленин – политический иезуит, подгоняющий долгими годами марксизм к своим минутным целям и окончательно запутавшийся.

Запахло революцией, и Ленин торопится обскакать всех конкурентов на руководство пролетариатом, надеть самый яркий маскарадный костюм. Ленин призывает к гражданской войне, а сам уже сейчас готовит себе лазейку для отступления и заранее говорит: не выйдет – опять займемся нелегальной работой по маленькой... Его лозунг «гражданская война» – самореклама революционной верхивостки и больше ничего. Конечно, чем дальше пойдет революция, тем больше ленинцы будут выдвигаться на первый план и по-

крывать своими завываниями голос пролетариата. Ведь ленинцы даже не фракция, а клан партийных цыган, с зычным голосом и любовью махать кнутом, которые вообразили, что их неотъемлемое право состоять в кучерах у рабочего класса».

Сколько точных оценок – и «политический шатун», и «революционная вертихвостка», и «политический иезуит», и «клан партийных цыган», не говоря уже о «кучерах рабочего класса».

Эту статью ему со смехом показал в ссылке один из будущих «кучеров рабочего класса» Яков Свердлов.

Но особенно ему понравилась другая статья Менжинского, в которой, описывая большевицкие нравы, он сравнивал Ленина с Чичиковым, а его окружение с прочими героями «Мертвых душ»: – «Если Чичикова «ослепило имущество», то их (большевиков) цель – власть, влияние, желание оседлать пролетариат. Им вообще пригодился в практических делах его (Чичикова) метод: подлог.

Прием оказался очень удобен, и им пользовались в течение десятка лет. Благодаря ему, Троцкий и Ко могут превратить мертвые души в живой капитал.

Сколько бы они ни уверяли, что дают честное слово и им надо верить, мало будет веры в их революционность. Зная наши партийные нравы, где ни одного собрания не проходит без Коробочки, где ни одни выборы не обходятся без Хлеста-

кова, Ноздрева, Держиморды – и это еще не самое худшее, что гложет партию – смешно думать, что эти самые люди могут возродить интернационал и вести пролетариат к политической диктатуре».

Кто такая «Коробочка» было понятно всем. Кто «Хлестаков» – тоже. С Ноздревым и Держимордой были, как говорится, возможны варианты. Он, Сосо, даже специально перечитал «Мертвые души» Гоголя, чтобы уточнить метафоры и использовать в полемической борьбе. И, конечно, этого литератора Менжинского запомнил, а спустя много лет назначил заместителем Дзержинского, чтобы потом Менжинский возглавил ВЧК.

За контроль над ВЧК тогда очень боролась оппозиция – Троцкий, Бухарин, Рыков, Ягода, которые, не откладывая дела в долгий ящик, сразу начали сживать Менжинского со свету.

По приказу Ягоды в кабинете Менжинского жидкой ртутью опрыскали мебель, диван, шторы, занавески. А на даче краской с жидкой ртутью покрасили комнаты.

А потом сразу взялись за буревестника революции Горького, который начинал сильно мешать Троцкому: «Горький все больше завоевывает интеллигенции в СССР и на Западе, которая покидает меня, – жаловался Троцкий. – Прежде всего, надо умертвить Максима Пешкова. После гибели любимого сына Горький превратится в дряхлого, безобидного

старца и выйдет из политической и общественной игры».

На допросе Ягода признал, что приказал врачам Левину и Плетневу лечебными препаратами умерщвлять Горького и его сына Максима. А когда избавился от Максима, начал сожительствовать с его женой Натальей Пешковой.

Эти же врачи тогда «лечили» и Дзержинского с Менжинским, якобы от бронхиальной астмы, а это могла быть просто ртуть (с тех пор он, Сталин, к врачам обращаться не будет).

Вот так работала оппозиция за его спиной, пока он занимался выживанием страны, думал о тысячах вещей, чтобы заработал механизм жизни, пока еще новой и не во всем понятной, но жизни. А все они думали о смерти, они верили в смерть, которая им когда-то помогла захватить власть. Они питались смертью, и их зловонное дыхание уже приблизилось вплотную.

И вестником этой смерти оказался баловень судьбы Ленин, со своей карманной революцией, взлелеянной в лучших уголках Европы (на партийные, между прочим, деньги, которые ему с риском для жизни добывал он, Сосо).

И после стольких усилий и жертв этот Ленин был готов бросить все, и бежать к своим лавочникам в Европу, где, как писал в своей статье Менжинский, «опять займемся нелегальной работой по маленькой...».

И то, что кому-то казалось верой и тонким расчетом гения – всего лишь спокойная готовность к бегству.

Может, потому и спокойная, что только несколько посвященных могли знать, какую затеяли игру?

Так что для него, Сосо, это была не просто карта, а улика – бесценное сокровище и документ, который он использовал всего раз – чтобы сбить спесь с, рвущегося к власти, Троцкого.

И хотя Троцкий еще какое-то время трепыхался, пробовал даже шантажировать его какими-то документами, которые грозил опубликовать на западе, но «бронепоезд» Троцкого уже ушёл.

В те (хорошие, в сущности) годы он, Сосо, изучил эту карту вдоль и поперек. Любил инкогнито выбираться в город, где, смешавшись с толпой, бродить по улицам, слушать, о чем говорят, чтобы из обрывков слов и фраз сложить общее настроение, первые симптомы... еще не болезни, а чего-то неуловимого, которое время от времени охватывает общество, если в том или ином вопросе перегнуть палку.

Народ любит стабильность, но, как всегда, мечтает о чем-то лучшем, а потом оказывается, что это «лучшее» уже было.

На то он и вождь, чтобы знать правду из первых уст и оправдывать их мечты. Чтобы не угасала животворящая иллюзия борьбы и перемен. Чтобы возникали все новые и новые надежды. И чтобы для самых отъявленных (которых кто-то придумал называть революционерами) всегда оставалось место подвигу.

Маленькому человеку нужны герои. А народ – это всего лишь много маленьких человекoв.

Немного грима (старая школа конспирации, хотя были у него и маски, неузнаваемо менявшие лицо), – и он уже прохожий, один из множества других, таких в чем-то одинаковых и разных, с объединяющим желанием быть, как все. В этом «как все» и заключена главная энергия любого преобразования, любой революции.

4

Он, конечно, отдает себе отчет о всей мнимости принятых мер предосторожности. Ведь, подземный ход, созданный когда-то для спасения, с такой же легкостью мог привести прямо к нему в кабинет. Охраны нет. Она есть, но снаружи.

Согласно им же заведенному правилу, без предварительного звонка к нему никто войти не посмеет. Дверь запирается изнутри.

Приходи подземным ходом, бери его тепленького. Чтобы тем же путем без помех уйти. Пока эти остолопы из охраны опомнятся, сообразят...

Хотя, может, кто-то из них и догадывается? Не все же кругом одни дураки?

Лишь однажды сорвался, пистолет выхватил и всю обойму – в темноту пустоты. Но это было всего лишь раз – больше он себе такого не позволял.

А глупого телохранителя, который, как черт из табакерки, выскочил его спасать (и на свою беду заметившего ход) на другой день уже не было.

Раньше он часто менял людей, пока не понял, что все это лишь увеличивает вероятность того, единственного, от которого не спастись.

И сразу подумал о двойнике, о котором старался не думать, словно его и не было, не должно быть. А почему-то начинал думать еще больше.

Двойников имели все – Чингизхан, Гитлер, Наполеон, и даже царь Николай второй.

У одного только Гитлера их было десять. Совсем запутал всех своими двойниками. А сам где-нибудь сейчас греется на солнышке на берегу голубой лагуны, пока все думают, что он труп.

Пробитый пулей кусок черепа и часть челюсти с золотыми зубами, которые к тому же потом окажутся женскими – это блеф. И как предел уже насмешки над будущими экспертами – двойник окажется с одним яйцом.

Но Вольф Месинг сказал, что Гитлер жив, и он, Сталин, верит ему больше, чем всем тайным службам вместе взятым.

Это же подтвердила и добытая агентами копия вербовочного допроса Мюллера, сделанная офицером американской разведки сразу после войны:

Офицер. О бегстве Гитлера из Берлина:

Мюллер. Абсолютно. Могу повторить: Гитлер, будучи живым, покинул Берлин вечером 22 апреля 1945 года.

Офицер. О двойнике Гитлера:

Мюллер. В те последние дни войны Сталин направил в Берлин специальную команду с приказом найти Гитлера. Они нашли... труп двойника. Конечно, все были приятно взволнованы и тут же доложили Сталину, чтобы обрадовать его и получить... что там?.. повышение по службе и дачу за городом. Сначала они послали рапорт в Кремль, а уж потом приступили к медицинскому исследованию... У Сталина определенно были сомнения. Он вообще крайне подозрительный и не верит никому. А что если это подлог? Или, быть может, его агентов подкупили богатые нацисты, а то и разведки Запада? И Сталин посылает еще один специальный самолет с экспертами и высокими чинами из госбезопасности... Что же они видят? К какому заключению приходят? Это тело не является телом Гитлера. Почему? На ногах у него штопаные носки. Гитлер не мог носить заштопанных носков!.. Впрочем, отчего же не мог? У всех рвутся носки... Что дальше? У исследуемого объекта всего одно яичко, у Гитлера было два. Это уже говорит о чем-то, верно?.. Отпечатки пальцев? Их не с чем сравнить... А теперь главный козырь. Уши не той формы.

Офицер. Вы сказали: уши?

Мюллер. Да. До того как отпечатки пальцев стали главным

средством идентификации, таким же средством когда-то были уши. Не бывает в природе двух одинаковых пар. Я знал, что у нашего двойника уши немного отличаются от ушей Гитлера, но, в конце концов, кто на них обращает пристальное внимание? Однако по хорошим фотографиям это сразу определяют опытные люди.

Итак, это не Гитлер. Представляю, как все агенты и эксперты были злы и напуганы. Вместо наград их, возможно, ожидает пуля в затылок. А что делать с подложным трупом? Спросили товарища Сталина. Ответ был: немедленно уничтожить! Для расторопных русских «немедленно» означает в лучшем случае на следующий день. Тогда они и начали сжигать труп. Но тут пришло новое указание из Кремля: сохранить его, во что бы то ни стало! Пришлось наполовину сгоревший труп отправить в Москву в ящике, заполненном льдом. Что касается Сталина, он, конечно, был уверен, что кто-то сыграл с ним злую шутку. Но кто? Фашисты? Американцы? Его собственные агенты?

Офицер. Если Гитлера так тщательно охраняли в это время, как вы рассказывали, то как мог он выйти из канцелярии и сесть в самолет абсолютно никем не замеченным?

Мюллер. Вы поняли бы, если бы слушали внимательно. Начнем с того, что из бункера было два выхода – один через канцелярию и второй в сад. Персональный бункер Гитлера находился на более глубоком уровне, и только в нем имелся запасной выход. Окружающие привыкли к тому, что фю-

рер по вечерам поднимается по лестницам с собакой, чтобы погулять с ней в саду. Конечно, сад усиленно охранялся, по ночам туда выпускали сторожевых псов, но, когда Гитлер выходил на прогулку, там гасили все огни и убирали собак. Так делалось на короткое время, и отвечал за это и вообще за охрану Раттенхубер. Таким образом, как я уже сказал, ночные прогулки Гитлера были делом обычным. В тот, последний, раз он вышел из бункера в сад со своей собакой через запасной выход, а вернулся обратно уже его двойник, тоже с овчаркой, но с другой, которую взяли с псарни. Все это происходило в моем присутствии, так что, можете быть уверены, я ничего не выдумываю. Нашего двойника после этого мы ограждали почти от всех контактов. Геббельс и Линге были в этом надежными помощниками. Помню, Борман сказал мне с озабоченным видом: «Фюрер странно выглядит, Мюллер. Не похож на себя. Уж не было ли у него удара?» Я ответил, что мне так не кажется.

Офицер. Как, по-вашему, вопрос о судьбе Гитлера можно считать открытым?

Мюллер. Вот что я вам отвечу. С точки зрения полицейского сыщика, каковым я когда-то являлся, дело обстоит довольно просто. Вы же смотрите на вещи, как офицер разведки, и для вас это все сложнее. Мы создали двойника, одели его в мундир Гитлера, потом пристрелили и похоронили там, где он наверняка будет найден. Так зачем теперь забивать себе голову вопросами, жив Гитлер или умер? Мы провели

свою операцию с единственной целью: скрыть тот факт, что Гитлер остался жив и покинул Германию. Вам понятно это?

Офицер. Тогда разрешите спросить вас о факте. Куда отправился Гитлер?

Мюллер. В Испанию, в Барселону.

Офицер. А потом? В Южную Америку? Или остался в Испании?

Мюллер. Вполне возможно. Франко мог оказать ему помощь. Во всяком случае, до той поры, как об этом разнюхают. Вы должны бы знать все это лучше, чем я. Последний раз, как я уже говорил вам, я видел его в саду рейхсканцелярии. После этого ничего о нем не слышал и не могу сказать, что с ним случилось потом. Я выполнил свои обязательства, сдержал слово и теперь имею право думать о себе и о своей семье.

Офицер. Но, по крайней мере, у вас есть хоть какое-нибудь предположение, что с ним могло случиться впоследствии?

Мюллер. Послушайте меня. Гитлер отправился в Испанию. Я достоверно знаю, что его самолет благополучно приземлился там. И это все. Мое мнение о дальнейшем ровно ничего не значит. Я могу предполагать, что ваши люди обедали с ним на прошлой неделе.

И было в этом допросе еще одно место, на котором он, Сталин, остановился поподробнее:

Мюллер: «С Гитлером никогда нельзя было сказать навер-

няка, что он в действительности думает по тому или иному поводу. Позже он стал относиться ко мне более дружелюбно, и в конце, в Берлине, он был очень откровенен со мной. В частной жизни он был именно таким, и для любого, кто видел его на публике, было большим сюрпризом обнаружить, что он очень человечен, и что с ним легко общаться. На самом деле временами Гитлер мог быть очень забавен и интересен. Он здорово умел иронически показывать разных людей и делал это с большой проницательностью, и очень безжалостно.

Однажды он совершенно замечательно изобразил при мне Гиммлера, его голос и жесты. Гитлер умел разглядеть подлинный характер человека, и видел людей практически насквозь, едва начав общаться с ними. При этом, он был очень скрытным, и как бы играл некую роль, постоянно находясь на сцене» на глазах публики. Но в домашней, так сказать, обстановке эта был спокойный, нормальный и очень приятный человек. Гитлер был очень вспыльчив, но главным образом только тогда, когда ему лгали в лицо, но его гнев быстро проходил. Думаю, самым большим его недостатком была его эмоциональность. Он мог быть чрезвычайно рассудителен, хотя малейшее замечание легко выводило его из себя, и он сильно раздражался. Но, как я говорил, в спокойной обстановке, он был интеллигентным и разумным человеком. По крайней мере, позже я узнал его именно таким, но тогда он нуждался в моих услугах, так что я не знаю точно, что

Гитлер в действительности обо мне думал.

Нет, не таким он, Сталин, представлял себе Гитлера, когда готовился к той памятной встрече.

У каждого человека много масок и пробиться к истинной можно лишь при личной встрече. С Рузвельтом это удалось, с Черчиллем, судя по всему, тоже. К Гитлеру он подослал Гурджиева, который Гитлера определил так: «В нем нет бога».

Но он, Сталин, его понял.

В нем нет бога, как некоей силы, которой он хотел повелевать и, возможно, в какой-то момент испугался, что при личной встрече (глаза в глаза) ему этого не удастся скрыть.

И Гурджиев дал ему эту силу, а точнее – иллюзию силы, которая подобна чуду, пока в него веришь.

Но это не та сила, которой хватает надолго. Гурджиев лишь качнул маятник, а потом уже этот маятник раскачивали другие.

Сначала какие-то тибетцы, с которыми Гитлера связал Гурджиев, который несколько лет провел в Тибете и был посвящен во многие тайны.

С его подачи Гиммлер даже организовал две экспедиции в Тибет и привез Гитлеру целую команду каких-то шаманов, которые помогали эсесовцам открыть третий глаз. Для этого в черепе над переносицей просвердливали специальное отверстие. Несколько трупов с такими отверстиями были об-

наружены при освобождении Севастополя.

Тибетцев сменил Гиммлер, которого именно Гурджиев научил, как к раскачиванию маятника подключать сакральные силы предков. А точнее – энергию смерти предков, количество которой строго ограничено, и Гитлера на большую войну уже не хватило.

Но к тому времени, система отхода Гиммлера была практически готова, и стала частью нового Рейха, к построению которого он привлёк лучшие умы – лучших учёных, лучших инженеров, лучших специалистов из всех сфер, даже таинственную организацию «Наследие предков», которая по всему миру правдами и неправдами добывала и собирала это «наследие», которое хранила в новом святилище Гиммлера – в зловещем замке Вевельсбург.

Этот замок имел форму наконечника копья, которое было нацелено на Восток, а значит и вся энергия «Наследия предков» была направлена на Восток. Этот поток энергии был настолько мощный, что у всех, кто находился в замке, понижалась температура тела на градус. Но так было надо, чтобы стать частью этого потока в будущее, который и создаст новый Рейх, даже если он будет называться по-другому.

А главной реликвией «Наследия предков» стала золотая диадема готской царицы Федеи, нетронутое захоронение которой было обнаружено перед самой войной в древнем кургане возле Керчи.

На добычу этой диадемы Гиммлер послал целую зон-

деркоманду. Ради этой диадемы даже пришлось захватить Керчь, а потом и Ставрополь, куда в спешном порядке эвакуировали «золотой чемодан» из Керченского музея. В этом «золотом чемодане», кроме украшений готской царицы находились восемьдесят килограммов золотых и серебряных предметов – бесценных сокровищ Крымских курганов.

В итоге, «золотой чемодан» исчез, а диадема готской царицы стала одной из главных реликвий «Наследия предков».

Только где сейчас эти реликвии?

А там же, где и сам Гитлер, и его жена Ева Браун (у которой, судя по всему, тоже был двойник), не считая обслуги и охраны из самых доверенных лиц. Хотя, во всей операции сокрытия участвовали тысячи.

Причем, каждый знал только свою часть плана.

Мюллер – создать двойника №1, а самого Гитлера отправить в Испанию. Кто-то должен был создать двойника №2 и отправить его на юг Африки. Кто-то создать двойника №3 и отправить его к друзьям тибетцам, которые могут укрыть в своих пещерах целую цивилизацию.

А из Испании – в южную Америку – в Патагонию, Аргентину и Бразилию, куда всю войну регулярно курсировали большие подлодки рейха, доставляя оборудование, механизмы, оружие и людей, а главное – золото, за которое в этом мире можно купить все, а золота они успели припрятать много.

Пришлось даже одну такую лодку, набитую золотом и ураном отправить в США, чтобы откупиться от поисков хоть

на время, а там уже будет не до него – новые герои, новые проблемы, новые войны, которым понадобятся новые Гиммлеры и Борманы, а старый спец Мюллер станет у США самым крупным экспертом по России.

Кто-то после Испании отправил Гитлера в другую точку мира.

Чем больше двойников, тем легче зупутать след.

Он это понял еще тогда. А еще он понял, что двойникам верить нельзя.

Сегодня он двойник, а завтра...

Никто даже не заметит подмены. Все так же будут звенеть по утрам будильники, чтобы пробуждать народ на новые свершения. Все так же будет звучать музыка, и все так же будут любить и предавать любимых.

А пока Они ждут. Ждут от него каких-то действий.

Может даже подталкивают к каким-то действиям, чтобы он совершил ошибку и потерял бдительность. Или ждут какого-то сигнала.

Но там, за границей, тоже умеют ждать, и первыми, конечно, не начнут. Для них он был и остается страхом, к которому привыкнуть невозможно, а значит что-то должно было случиться здесь и сейчас, но он своей непредсказуемостью постоянно все срывал, и в их План приходилось вносить все новые и новые коррективы.

Они даже не заметили, что стали частью уже его Плана.

Как бывает, не замечают, что любимая женщина уже давно принадлежит другому. Или предпочитают не замечать? Чтобы как можно дольше все оставалось, как есть.

Уж лучше зыбкое равновесие, чем угроза потерять все.

Он и сам не знал, кого подразумевал под этим Они. Даже думал поговорить на эту тему с Месингом. Но вдруг и сам Месинг... Может, они специально заставили его втеряться в доверие, чтобы он, Сталин, у него спросил и поверил...

В конце концов, если Вольф такой ясновидец, то мог бы уже давно прочесть его мысли. Но он этого не сделал... Или – сделал... но ничего не прочитал. А потому что и читать было нечего. Спасибо школе иезуитов. Уж что-что, а скрывать свои мысли он, Сосо, умеет с детства. Грешным делом даже считал, что скрывает от самого Бога. А Месинг, хоть и умеет показывать разные чудеса, но не Бог.

Тогда – кто? Кто его главный враг? Ибо врага надо знать в лицо. А еще лучше – в глаза. Когда знаешь врага в глаза, легче прочесть его мысли.

Словно из колоды карт, выхватывал наугад отвратные рожи, так называемых, «соратников по борьбе». Или «цепных псов революции», как называл этих любителей смерти Ленин, когда они слишком старались исполнять приказы. Откуда они брались – все эти Землячки, Мате Залкины, Ягоды – из каких выползли щелей и нор на запах крови, которой их поманил Троцкий:

– Мы дадим такую тиранию, какая не снилась никогда са-

мым страшным деспотам Востока. Разница лишь в том, что тирания эта будет не справа, а слева, и не белая, а красная. В буквальном смысле этого слова – красная, ибо мы прольем такие реки крови, перед которыми содрогнутся и побелеют все человеческие потери капиталистических войн.

Но этот враг давно мертв. Остальные враги не в счет. Он их приблизил, и сейчас они стали врагами его врагов. И рано или поздно кто-то из них станет жертвой, как и полагается в любой «борьбе».

А, значит, должен быть Главный враг, который, может и сам еще этого не знает. Поэтому его так трудно обнаружить. И все это тоже входит в Их План.

Нет, Ленин не был его врагом. А, точнее, не успел стать. Потому что кто-то сделал его своим врагом раньше. Причем и он, Сталин, и все прекрасно знали – кто. Но Ленин не верил. До последнего не верил.

Пока не появился страх. Он словно сгущался в кабинетах и сумрачных коридорах холодных зданий, заглядывал в ночные окна. От него было ни спрятаться, ни деться, даже на фронтах.

Ведь тогда на месте Ленина должен был оказаться он, Со-со.

И уже, почти засыпая, вздрогнул, вскинулся, как от гулко-го выстрела-шлепка. Это выпала из рук книга – единствен-

ная книга, которая в последнее время помогала ему заснуть.

Книга называлась «Князь» и словно была написана специально для него, Сталина, и для его времени неким Никколо Макиавелли около пятисот лет назад (что еще раз доказывало, что ни люди, ни их пороки не меняются, и будущее это всего лишь повторение прошлого, только с другими государствами и героями).

В книге он находил ответы на многие вопросы. Особенно ему нравились главы: «О верности и единстве подданных государю», «О покровительстве доблести и талантам своих подданных», «О необходимости укрепления учреждений, обеспечивающих независимость и безопасность государя», «О хорошо направленной жестокости», «О личной славе правителя»...

Но сейчас он читал о заговорах:

«Когда снаружи мир, то единственное, чего следует опасаться – это тайные заговоры. Из всех способов предотвратить заговор самый верный – не быть ненавистным народу. Ведь заговорщик всегда рассчитывает на то, что убийством государя угодит народу; если же он знает, что возмутит народ, у него не хватит духа пойти на такое дело, ибо трудностям, с которыми сопряжен всякий заговор, нет числа.

Как показывает опыт, заговоры возникали часто, но удавались редко. Объясняется же это тем, что заговорщик не может действовать в одиночку и не может сговориться ни с кем, кроме тех, кого полагает недовольными властью.

Но открывшись недовольному, ты тотчас даешь ему возможность стать одним из довольных, так как, выдав тебя, он может обеспечить себе всяческие блага.

Таким образом, когда с одной стороны выгода явная, а с другой – сомнительная, и к тому же множество опасностей, то не выдаст тебя только такой сообщник, который является преданнейшим твоим другом или злейшим врагом государя.

На стороне заговорщика – страх, подозрение, боязнь расплаты; на стороне государя – величие власти, друзья и вся мощь государства; так что если к этому присоединяется народное благоволение, то едва ли кто-нибудь осмелится составить заговор. Ибо заговорщику есть, чего опасаться и прежде совершения злого дела, но в этом случае, когда против него народ, ему есть чего опасаться и после, ибо ему не у кого будет искать убежища».

Он тоже укреплял учреждения, обеспечивающие безопасность, награждал за «полезные изобретения», содействующие величию страны, «проявлял черты великодушия и гуманности».

Но, как сказал Макиавелли в главе «О хорошо направленной жестокости» все необходимые жестокости должны быть произведены зараз, для того, чтобы они были перенесены с меньшим раздражением; благодеяния же должно делать мало по малу для того, чтобы подданные имели больше времени для их благодарной оценки.

Минуту подождал, пока глаза привыкнут к темноте. Машина была на месте. Еще не видел, а уже знал – на месте, большая тень дома затаила маленькую. Даже успел заметить мелькнувший в кабине огонек – кто-то курил, стараясь спрятать папиросу в кулак (фронтальная привычка... грубейшее нарушение инструкции, за которое надо наказывать).

Он привык, что его ждали. Его ждали здесь вчера... А значит и неделю, и месяц назад. Как ждали его всегда. Можно сказать, успели привыкнуть ждать, а когда человек к чему-либо привыкает, то теряет бдительность.

Хотел уже отделиться от стены, чтобы вынырнуть из темноты внезапно и застать этого «курца» врасплох.

Раньше он такие эффекты любил.

Видеть, как на глазах глупеет физиономия какого-нибудь функционера... маленького вождя... Как с благородного портрета непреклонного борца предательски сползает маска. А под ней, в сущности, мурло... То самое неистребимое мурло мещанина, которое живет и скрывается в каждом.

Видеть, как трясущимися пальцами тянут к огню папиросы. Некоторые даже курить начинают только потому, чтобы если Он предложит, не болтануть случайно «нет».

«Мне всегда были подозрительны те товарищи, которые не пьют и не курят», – эти слова кто-то приписывает ему,

хотя он так еще не сказал.

Но он не отказывается – хорошие слова, о чем-то таком он, без сомнения, когда-то думал или мог думать, а значит, мог и сказать. В остальном, они все – рабы. И руки у них у всех постоянно липкие и влажные, как у рабов. Поэтому, он не любит здороваться – сразу хочется смыть их прикосновения или хотя бы вытереть руки платком. Потом, конечно, те, с липкими руками, незаметно исчезали, но все уже происходило без его участия, словно само собой.

Холодный ветер покачнул тени. Где-то на той стороне улицы тоскливо скрипнула фрамуга. Все было, как всегда, если не считать одной малости – его не ждали!

Только сейчас понял, откуда взялась эта нелепая, на первый взгляд, мысль. В машине кто-то курил, а значит, не боялся. Его начальник тоже, наверное, сейчас курил и не боялся еще больше... Так сколько же их, которые осмелились не бояться его в ночи? Три, пять, десять?

Тусклая полоска света (раньше ее как будто не было?) падала откуда-то сверху и наискосок, словно перечеркивала улицу. Каких-то несколько шагов – и он оказался бы прямо в центре...

Лучшей мишени не придумать. И тут он вспомнил, что рядом была или должна была быть какая-то дверь. Мертвый подъезд мертвого дома, который спит или делает вид, что спит, а в каждой щели его – Их люди. Вся улица оцеплена.

Они ждут... Ждут его следующего шага, чтобы дальше действовать по инструкции. Потому спокойны. Им кажется, что все предусмотрели, все учли.

И в этой инструкции его шанс! Возможно, единственный. Пока будут согласовывать, он успеет выиграть какое-то время.

Но для этого нужно совершить что-то непредсказуемое. Что-то настолько из ряда вон, что все замрут, остановят дыхание и лишь потом, словно очнувшись от гипноза, начнут звонить, докладывать по инстанциям наверх. Никому и в голову не придет брать ответственность на себя, действовать не по инструкции, а значит – нарушать...

И чем серьезнее ситуация, тем длиннее цепочка предписаний и инстанций, а значит и выигрыш во времени, который у него уже не отнять.

И, подняв воротник своего еще довоенного пальто (только сейчас почувствовал, какой на дворе мороз, и какая должна быть злость у тех, которые изо дня в день стояли в этом нелепом оцеплении, чтобы обеспечить безопасность неизвестно кого и от кого, и быть в любой момент готовыми на все), – двинулся от машины в обратную сторону.

Он шел не быстро и не медленно, с той неотразимой уверенностью, от которой у наблюдателей должно замирать дыхание.

Он шел тяжелой поступью командора по узкому тоннелю улочки и чувствовал, как во всем огромном людском мура-

вейнике замерла, приостановилась жизнь. Лишь настораживающе сухо поскрипывал под ногами снег.

Еще несколько шагов и он окажется на проспекте. Уже можно различить недалекий шум машин. Значит, кроме муравейника, есть и еще кто-то, кто умудряется жить, существовать, куда-то спешить и радоваться встрече, которой в этот вечер никто не сможет помешать.

И от этого случайного открытия стало как-то легче дышать, словно что-то расправилось внутри и отпустило, захотелось выругаться и рассмеяться, и чтобы все вокруг услышали его ругань и хрипловатый смех.

Смех победителя.

6

БЕРИЯ

От курева во рту было гадко, как с похмелья (он не курил, а тут вдруг почему-то начал, словно примеривал на себя новый образ в новой роли), и с каждой выкуренной папиросой «Герцеговины Флор», словно отщелкивалась еще одна минута времени, которое неумолимо приближало его к заветной цели.

И тогда рука снова тянулась за папиросой, щелкал зажигалкой, делал одну-две затяжки и тут же гасил, давил омерзительный окурочок, расплющивал его, как червяка, чтобы

сразу затеять все сначала.

Нарочно не хотел ничего менять, пока не зазвонит телефон. Этого звонка он ждал, как приговор.

Но черный телефон был нем. Молчал телефон правительственной связи, молчали телефоны секретных служб. И от этого тупого ожидания он начинал ходить кругами, опасливо обходя телефоны стороной, даже пряча за спиной руки, чтобы нечаянно не сорваться и не разmozжить какой-нибудь из них о глухую стену бункера.

А тут, словно сговорившись, затрезвонили сразу все.

– Он ушел... ушел... Он от нас ушел... – на разные голоса разметали ночь.

– Что значит ушел?... Как ушел? Куда ушел?

– Сел в такси на проспекте Маркса... Наша машина, как всегда, пристроилась за «Победой», а он в это время... Но город уже перекрыт. Блокированы все дороги. Такси взяты под наблюдение. Какие будут указания?

– Ах, болваны!.. Какие же все вокруг болваны! – и еще долго по затухающей ругался матом, но оттого, что все как-то стронулось и пришло в движение, почувствовал не то чтобы облегчение, скорее азарт.

Охота началась. А в каждой охоте охотник остается охотником, а зверь – зверем. И уже по инерции доругивался в остальные телефоны, запоздало радуясь тому, что кругом одни болваны. С болванами трудно, – за все надо платить, – но с ними и спокойнее.

А зверь обложен и далеко ему не уйти.

Потягиваясь и похрустывая в суставах, подошел к стенке с академическими изданиями томов классиков революции. За коричневыми томами Ленина скрывался роскошный бар, забитый бутылками всех времен и народов.

Коллекционные вина и коньяки из подвалов Европы, неисповедимыми путями, оказавшиеся здесь, в его, Лаврентия Берии, кабинете-бункере уже давно ждали своего праздника. И вот праздник наступил, но почему-то нет радости? Будто время выпило всю радость. И запоздало приходит понимание, что у времени не бывает ни будущего, ни прошлого, а есть лишь настоящее. И нужно просто жить. Сегодня и сейчас. Несмотря ни на что. Даже на страх, который был всегда и к которому он почти привык.

Щедро плеснул в хрустальный бокал французского коньяка почти столетней выдержки. Пил по-женски: мелкими глотками, оставив мизинец с перстнем, возможно, принадлежавшим самому Одиссею или Агамемнону – из бесценной коллекции Шлимана, вывезенной из Германии и упрятанной в тайники Лубянки, с глаз долой.

Об этой коллекции не догадывался даже Сталин. И если раньше он, Берия, только ждал случая преподнести такой подарок своему Сосо, то в последнее время с этим уже не торопился, будто золото постепенно брало над ним власть, и эта власть оказывалась сильнее власти желтоватых глаз старого уставшего вождя.

А еще он верил, что жук-скарабей, выбитый на древнем перстне, принесет удачу.

7

В такси было уютно и тепло. Зеленовато фосфоресцировали циферблаты приборов. Пахло запахом бензина и табаком, кожей сидений и дорогих духов, которые любила одна женщина много лет назад.

Он даже вспомнил ее имя и бархатистую нежность загоревшей кожи; морской ветер развевал ее волосы, которые больно хлестали по его глазам, и сквозь слезы он готов был молить ветер, чтобы эта боль никогда не кончалась.

На секунды мелькнувший свет дважды выхватывал невозмутимый профиль водителя и его отражение в зеркальце, каждый раз почему-то разное.

То виделся какой-то господин с усталыми печальными глазами, то подгулявший начальник, виновато спешащий домой и придумывающий, что сказать жене по поводу ночных работ. То ученый муж, допоздна задержавшийся в институте, в поте лица потрудившийся в своей лаборатории.

И не в молоденькой лаборантке дело (ведь гении неспроста притягивают к себе женщин). Хотелось доказать, что и он что-то значит, и он личность – неповторимая и незаменимая... А это уже плохо. Плохо, когда несознательное Я берет верх, а там незаметно подкрадывается коварная гордыня, вызывающая то самое разрушительное головокружение

от успехов, когда чувствуешь себя не таким, как все.

Сперва чувствуешь, а потом действуешь...

В зеркальце заднего вида мелькнул знаменитый режиссер М.

Еще вчера ему рукоплескала вся Москва, было море цветов и выстрелы шампанского, от которых кто-то невольно вздрагивал. А сегодня М. выдернули из теплой постели по доносу лучшего друга, который станет режиссером завтра.

Но люди приходят и уходят, а высшая справедливость остается: «Кто был никем, тот станет всем...»

– Куда?.. – сонно зевнул таксист.

На секунду их глаза встретились в зеркальце, и холодок... нет, не страха – скорее, осторожности, – заставил его отвести взгляд.

– Туда... – с усилием расцепил зубы.

– Сегодня уже возил одного «туда», – сразу набычился водила. – На Ваганьковское... кладбище, я имею в виду. Подозрительный такой тип. Ночью, с чемоданом, на Ваганьковское!.. Сережку Есенина надумал помянуть. А у самого в чемодане...

– В Кунцево, – оборвал поток слов, который мешал думать.

На «Ближнюю дачу» в Кунцево, где в последние годы, в основном, и был его дом, его крепость, которая в любой момент может стать и его ловушкой. Вот об этом он и хотел

подумать.

И было искушение – последнее искушение на закате лет. О такой женщине он мечтал, наверное, всю жизнь, но Берия все эти годы старательно подсовывал ему других, словно нарочно отвлекал внимание. И когда, наконец, он, Сосо, ее увидел, то сразу понял, что обманут.

Это была Его женщина. Его женщина по праву. По неписанному праву гор. Наверное, и она что-то такое почувствовала. Один взгляд, которым все сказано. Один взгляд, а словно заглянула в такие бездны, откуда уже не вернуться.

Ее имя – Нино Берия.

Машина свернула с главной улицы и погнала по каким-то закоулкам, чтобы он начал волноваться, нервничать и в какой-то момент потерял над собой контроль. Старый испытанный прием Охранки, чтобы заставить его врасплох.

Но он бывалый зубр и знает все их уловки наперед.

Это называется – «войти в контакт» или «контакт первых минут», которые и определяют потом их конкретные действия.

Но и для него этот «контакт первых минут» значил многое. Стало понятно, что у них что-то пошло не так. Не знают, что делать и приходится тянуть время.

И сейчас он свободен. Свободен как, наверное, никогда за последние много лет. Свободен, как вырвавшийся из клетки волк. Свободен, как ветер на вершинах гор.

А водитель гнал машину с какой-то мстительной лихостью, бросал ее на поворотах то в одну, то в другую стороны, точно ждал от него мольбы о пощаде или хотя бы малейших признаков страха. А ему оставалось лишь молчать, судорожно цепляясь за кожу сидений на поворотах.

И только мертвенная бледность выдавала, как ему плохо. Видно, разыгралась печень, и от каждого толчка боли его, словно разрывало на части, которых становилось все больше и больше.

Он сказал Кунцево («Ближняя дача»), хотя с таким же успехом мог назвать с десятков других мест, где его ждали или должны ждать.

Раньше он любил проверять бдительность (но служба Власика, как всегда, оказывалась на высоте), еще с молодости хорошо усвоив, что чем больше явочных квартир, тем меньше вероятность провала.

А еще он знал, что все таксисты – люди Берии, у них свои инструкции (у всех свои инструкции), и сейчас его задача попасть в промежуток между инструкциями, когда действие одной заканчивается, а другой еще не успело начаться.

Обычно до Кунцево он добирался на скоростном метро прямо из Кремля. Что было и быстрее, и удобнее. Даже несколько раз на спор выигрывал пари у Ворошилова-Буденного, которые славились своими водителями и добирались на автомобилях по земле.

– Что-то, Клим, твоя кобыла подкачала, – посмеиваясь в усы, встречал у входа, поскрипывающего портупелями и сапогами, озадаченного военачальника. – А Семен – хитрый!.. Думал всех на тачанке обскакать. Думал, у Ворошилова одна лошадиная сила, а у него будет целых три. Наверное, по пути пришлось от беляков отстреливаться.

– ...Почему стоим? – только сейчас заметил, что машина уперлась в какой-то шлагбаум, который, судя по всему, и не думал открываться.

– Спят, наверное. Будем ждать или поедем в объезд? – сонно зевнул таксист, который нарочно завез его сюда, чтобы вызвать на разговор (таких мнимых переездов в Москве было сотни). Сейчас оглянется и включит свет, чтобы получше рассмотреть, с кем приходится иметь дело.

Осторожно нащупал в кармане пистолет. Тяжелый металл призывал к действию.

Короткое движение – и одним дураком станет меньше. Воистину, есть человек – есть проблема, нет человека – нет проблем.

Даже представил, как от выстрела отбросит черный профиль и будет судорожно хватать руками воздух, а потом с глухим стуком уткнется в руль. Наутро таксиста обнаружат, но он уже ничего не сможет рассказать.

Не глядя, выдернул из пачки несколько банкнот.

– Жди меня здесь! – последовало, как приказ.

И, как в каком-то трофейном фильме, небрежно бросил

деньги на сиденье.

– Хозяин – барин, – прозвучало почти как – «слушаюсь».

Что и требовалось доказать. Системой начинают править деньги. Так бывает всегда, когда уходит страх. Деньги стирают страх и создают иллюзию свободы. В какой-то момент начинает казаться, что за деньги можно купить все. А потом начинаешь понимать, что деньги это еще большая несвобода, чем их отсутствие.

Деньги рано или поздно приводят человека к вопросу: «Тварь ли я дрожащая или право имею?» С этого момента человек становится способен на все. Ни бог его не сможет остановить, ни привычный страх. Словно движет им неведомая сила.

Почему-то вспомнились раскольники, которые питались этой силой, когда сжигали себя в избах и церквях (отсюда, по всей видимости, у Достоевского в романе и фамилия – Раскольников – значит, тоже раздумывал подобно, но так и не решился озвучить вслух. А он, Сосо, готов назвать ее (эту силу), которую ему вдруг открыла ночь. Назвать, даже если никто не услышит. Может, потому и назвать, что никто не услышит. Назвать – чтобы осознать. Ибо эта сила есть справедливость. А точнее – высшая справедливость, которая правит миром и царит над всеми смыслами и самим...

Он хотел сказать – богом. Но не стал. Ибо справедливость и есть Бог.

С ним было так уже не раз – когда заходил в тупик, отпускал вожжи, действовал бездумно, наугад, словно передоверял себя кому-то более умному, более опытному, который всегда знал, как сделать лучше.

У русских это называется – полагаться на авось.

Наверное, за столько лет он тоже стал немного русским, а значит и татариним, и евреем, и монголом, и бог весть кем еще из десятков окружающих его народов.

С кем поведешься, от того и наберешься. Потому его и называют отцом народов, что для каждого он немного свой.

В сущности, все люди одинаковы. Они и вели себя одинаково, когда перед каждым рано или поздно вставал главный вопрос: жить или не жить. Всем, как правило, хотелось жить.

Вот и сейчас он действовал бездумно, на авось. Зачем-то приказал таксисту высадить его здесь, зачем-то направился, сам не зная куда. Ведь, если даже он не знает, что сделает в следующий момент, то уж, тем более, этого не смогут знать Они.

Тропа вела мимо темнеющих строений. Он почувствовал запах дыма и вообще жизни, которая теплилась где-то рядом.

Здания наверняка строили немцы. Пленные тогда все вокруг строили, словно переносили часть своей Европы в ими же разрушенные города.

И, надо сказать, хорошо строили. Просто немцы не умели работать плохо, за что их даже избивали начальники, кото-

рым казалось, что над ними издеваются с особым садизмом.

Но скоро немцы вернутся по домам, и строить хорошо будет некому. Он даже мечтал задержать их подольше, а еще лучше – оставить в стране навсегда. Чтобы два народа слились в один и дали, в итоге, – третий, в котором проявятся лучшие черты двух народов.

Об этом мечтал и царь Петр первый, завозя из Европы немцев тысячами (в основном, конечно, ученых, специалистов и военных), со всеми их семьями и укладом.

Нравилось ему, как они обустроивают свою жизнь, как умеют работать и как умеют отдыхать. Их старательность нравилась, а главное – что умеют исполнять приказы. Видимо, это у них в крови. Поэтому из немцев получаются хорошие солдаты.

И, хотя, среди приглашенных были и французы, и итальянцы, и англичане, но немцев было больше всего. Многие потом достигнут степеней известных, станут гордостью России.

Это друзья Троцкого столкнули лбами два лучших народа Европы в убийственной войне, в которой нет, и не может быть победителя. Ибо, цена победы оказалась равна цене поражения.

Но это тайна за семью печатями. Кто-то погиб, кто-то пропал без вести. Кто-то умер голодной смертью. В хаосе войны не сосчитать.

Чего стоил хотя бы приказ №4976 от 18 сентября 1941го-

да, который Жуков отдал по Ленинградскому и Балтийскому фронтам, что семьи военных, сдавшихся врагу, будут расстреляны.

До такого не додумался даже главный враг Гитлер. В последний момент, правда, Маленков успел отменить приказ.

А если бы не успел? И приказ уже канул бы в «бездну» тыла, который жил по своим законам, словно там была совсем другая страна. И другой народ, и другие... чуть было не сказал – правители... исполнители.

И сразу вживе представил Туруханск... Курейку, куда и сейчас можно добраться лишь по «зимнику». Наверняка там и света еще нет. В такие медвежьи углы приказ будет добираться долго.

Во времена царя приказ до окраин империи добирался месяца за три, а тогда, в неразберихе войны, и того больше. И столько же потребуется приказу об отмене приказа. Пока собирали бы документы, пока принимали бы решение, то, как когда-то говорили в Курейке – или конь бы сдох, или его хозяин.

А еще он в ужасе подумал о другом.

Вот вернутся с войны победители, а города пусты. В деревнях одни бабы и старики. Лошадей нет. Мужиков нет (одни инвалиды). Бабы вместо лошадей запрягаются в плуги...

И все это будут называть «Победа». А в самом слове скрывается «беда»... Словно каждый поздравляет его с «бедой», которая приближается неумолимо.

Он даже начал делить людей на тех, кто произносит это «беда», и на других – которые каким-то звериным чутьем угадывали, что лучше этого не делать. И сразу получали доступ в его стаю, незаметно оттесняя прирученных шакалов из прошлой жизни.

Все они прошли через войну и, словно знали какую-то тайну, которой он не знал, и эта тайна начинала сгущаться и пропитывать собой все вокруг.

Но к тому времени в слове «беда» мистически исчезла еще одна буква. И теперь ему всюду слышалось – «еда»... «еда»... «еда»...

Еды не хватало. В его стране оказалось людей больше, чем еды. Причем, не просто людей, а победителей, о которых любимый в народе Хэмингуэй сказал, что «победитель получает все».

И он, Сталин, душными летними ночами ломал голову, куда деть всех этих «победителей», праздник которых сильно затянулся, а еды с каждым днем становится все меньше. Не было дождей, надвигалась засуха, словно расплата за победу, и за все те миллионы жизней, которым еда уже не понадобится.

...На какой-то миг показалось, что за этими домами и его дом. И сейчас тропа уткнется в знакомый забор, за которым послышится лай собак (собаки всегда узнавали о его приближении первыми). И он окажется в своем рабочем кабинете

на черном кожаном диване с высокой спинкой (сделанной по спецзаказу, чтобы прикрывала затылок), пропитанном запахом одиночества и тлена (чуть было не сказал – плена, что было бы точнее).

Наверное, так пахнет власть.

Ибо власть – это всегда плен. И, чем выше власть, тем больше плен и больше одиночество. Бог тоже одинок. И тоже в плену. В сладостном плену своей свободы, когда нечего хотеть. Потому и сотворил человека (по образу своему и подобию), который рано или поздно начинает думать, что он тоже бог.

А это ошибка. Потому что бог один. Как и должно быть в любой Системе. Два бога – это уже разлад (что и происходило в первые годы революции, когда богов было много). И тогда он, Сталин, исправил эту ошибку. Ошибку бога.

И от этой кощунственной и ясной мысли, ему стало и страшно, и легко, как когда-то в далеком детстве, когда они с Гурджиевым подожгли библию и с затаенным ужасом глядели на огонь, который от порывов ветра то гас, то разгорался с новой силой.

Так они хотели проверить, что сделает бог (если он на самом деле есть). А бог с бездонной высоты смотрел на маленьких грешников и посмеивался в бороду, словно хотел им сказать одно только слово...

Но не сказал. И ничего не сделал. И это было сильнее самых сильных слов. Ибо это была сила промежутка между

«да» и «нет». Это была сила непостижимости.

А когда огонь погас, Гурджиев палкой потыкал в обугленные остатки и сказал:

– Как дохлая ворона. Похоронить надо.

И они уже в сумерках хоронили то, что осталось от библии. Поспешно затапывая сапогами все следы. А ночью ему приснилось, что на этом месте выросло иудино дерево, цветы которого, как Христова кровь. Вот это и было то слово, которое им хотел сказать бог. Но вместо дерева выросла трава. И это тоже был ответ бога.

Потом, много лет спустя, Гурджиев скажет: «Бог – это слово», не уточнив, правда, какое.

А еще бог – это страх, переходящий порой в ужас, который не выразить словами. Особенно, когда его не ждешь.

И, словно в подтверждение, в тишину ворвался рев и грохот, который в считанные секунды поглотила ночь.

Это был скорый поезд. Значит, где-то рядом платформа.

ДВОЙНИК

8

Сперва их было восемь.

Восемь человек за зеленым забором этой затерянной в лесу «точки». Восемь номеров в одинаковых одеждах, в одинаковых комнатах, с одинаковым видом из окна.

С этого дня они все должны стать одинаковыми – одинаково говорить, одинаково двигаться, одинаково смеяться, одинаково прищуривать глаза. Даже курить все они теперь должны одинаково – только трубки, с одинаковой неторопливостью набивая их табаком папирос «Герцоговина Флор».

Это умение они осваивали двадцать шесть дней. Ровно столько, чтобы умение успело стать привычкой.

Эту цифру рассчитали его ученые, как закон. За двадцать шесть дней можно привыкнуть ко всему – чистить зубным порошком зубы, делать по утрам зарядку, читать книги, исполнять приказы.

Разговаривать между собой строжайше запрещалось.

Весь день был расписан по минутам. С утра история, экономика, изучение трудов классиков, лекции и кинофильмы по различным темам: военное дело, литература и искусство, актерское мастерство, иностранный язык. Затем, поздний обед, самоподготовка и отбой.

На занятиях к ним обращались обычно по номерам. У каждого на рукаве был нашит номер. Вели занятия, как правило, одни и те же. А вот лекторы были разные. Себя они не представляли, но одного он уже где-то видел раньше. На портрете в учебнике. Тогда еще учительница приказала заклеить этот портрет бумажкой (потому, видать, и запомнился), и сейчас этот ученый читал им лекции. Словно и не было никакой революции, а перед ним по-прежнему сидели «господа студенты», только под номерами. «Госпо-

дин Седьмой... Ваш вопрос, господин Шестой, делает вам честь...». Не сказал, а мог бы сказать с высоты своего прошлого, которое теперь ему казалось сном. Но выдавали руки. Будто ими давно не пользовались или пользовались, но не по назначению, и они не слушались и дрожали.

Другой инструктор ставил им пластинку с записью голоса, которому они должны научиться подражать.

Ему, Евсею, даже показалось, что это голос какого-то иностранца, а потом узнал, вспомнил, и холодок недобрых предчувствий начал закрадываться в душу. Словно приближалось что-то неотвратимое, и вот-вот должно было случиться.

И случилось. И этот последний, прощальный взгляд Третьего... Такая в нем сквозила безысходность и тоска.

Больше они Третьего не видели.

Все продолжалось, как обычно, никто ничего не знал или делал вид, что не знает, но по каким-то неуловимым признакам и он, и остальные поняли: с Третьим все кончено.

Потом наступила очередь Восьмого.

Какое-то время он шел на равных со всеми, а потом, видимо, начали сдавать нервы. В самом неподходящем месте вдруг начинал заикаться и чем больше заикался, тем непослушнее делался язык.

Приходил даже какой-то врач, но с врачом у Восьмого все получалось без сучка и задоринки. За последним обедом лишь успел сообщить, что не сегодня-завтра за ними будет наблюдать Сам (и глазами выразительно показал наверх).

Больше они Восьмого не видели.

В какой-то из дней жизнь двойников резко изменилась.

Подъем в семь, новая одежда, новые костюмы. «Ваша фамилия – Беляев Вадим Петрович», – сказал – приказал суровый инструктор, провожая Седьмого в машину с опущенными шторками.

Беляев так Беляев, – только и оставалось, молча, согласиться. Он уже давно привык, что сказанное инструктором обсуждению не подлежит. Даже не успели покормить завтраком. Рядом сидел человек в штатском. Тупое, ничего не выражающее лицо.

Наверное, и у него, Вадима Петровича, сейчас точно такое же лицо. А лицо, как их учили – зеркало души, которая сейчас пуста, как душа младенца. Да и душа ему, Вадиму Петровичу, с некоторых пор не принадлежала. Он и сам себе уже больше не принадлежал.

С каким-то удивлением вдруг вспомнил, что были в его жизни и другие имя, и фамилия. Свое село вспомнил и свой добротный, украшенный резными наличниками, дом. Он стоял над самой рекой, огородом спадая к речке, где на утренней зорьке они с сыном любили ловить карасей. Была еще дочь, Верка, такая смешливая и конопатая, – она только что закончила четвертый класс и ей сшили первое нарядное платье – белое, в мелкий голубой горошек.

Помнится, кто-то пустил по деревне слух, что в округе

орудует банда, и каждого в таком платье должны обязательно убить, потому что проиграли в карты, поэтому Верка надевала его только дома, часами крутилась перед зеркалом...

И уже совсем, будто чем-то приснившимся, или, словно из другой жизни, вспомнилась жена Настя. И, как ладно в то время они жили, особенно летом... в конце лета, когда поспевал сад.

Потом в одночасье все пошло прахом. Как снег на голову свалился уполномоченный («болт заточенный», – как дразнили его в деревне бабы) Васька Кожухов и суровым от перегара голосом приказал собираться.

Потом, в райотделе уже, его осматривал какой-то чин... Как лошадь осматривал, даже зачем-то заглянул в рот, приказал спустить трусы, нагнуться и показать ему гудок. Оставшись довольным осмотром, нервно ходил, потирая руки, затем от избытка чувств рассмеялся и похлопал его по плечу. «Ну, Евсей, далеко пойдешь!.. Видно, и в самом деле дуракам везет. Значит, не знал, говоришь, не замечал?..». «Чего не знал?.. Чего... не замечал? Да, объясните же, люди добрые!..» – наконец, не выдержал, взмолился он, отчего уполномоченный, с этим хмырем в штатском, достал из папочки несколько фотографий разных лет.

И на всех был он, Евсей... И не он! Разве что на одной он был в какой-то гимнастерке и фуражке... На другой – с трубкой в руке и в кителе... Ах, ну это... Кто же не знает народного вождя Сталина... И то, что он, Евсей, на него похож,

поди, каждый во всей округе знает. Знают, да помалкивают. Не то теперь время. Даже, если спяну что-нибудь такое брякнешь.

А первым это сходство заметил еще кум Кузьма. За что и поплатился вскоре. Приехал из райцентра «воронок» и увез кума в неизвестность. Ни слуху с тех пор о куме, ни духу. А от него, Евсея, все как-то стали отворачиваться. Словно он и в самом деле собственного кума упек. Зато в колхозе уважение. Сам председатель беседовал. Для начала комбикорм выписал, оцинкованное железо – крышу перекрыть. Еще костюм и обувь новые, чтобы в партию вступить. Председатель сказал, что так надо, раз новый костюм и обувь.

А месяц спустя в хате эту штуковину установили: что-то вроде радио, с небольшим окошком-линзой, очень похожим на глаз, в котором живые человечки двигаются, разговаривают и... подсматривают.

Тогда-то он, Евсей, и увидел вождя Сталина совсем рядом. Стоит на трибуне, говорит слова разные и в подкрепление своей ручкой делает вот так... Словно поднимает эти слова на недосыгаемую высоту.

И хотя он, Евсей, стал уже не тот, многое научился знать и понимать, одного он лишь никак не мог понять: зачем этому большому человеку вдруг понадобился он, Евсей, человек маленький? Какая ему, Сталину, от него, Евсея, может быть польза?

Машина ехала долго. Он даже успел вздремнуть, неча-

янно привалившись плечом к сидящему рядом конвоиру. Но вот, наконец, остановились. Звук отпираемой сзади двери, и истукан первым выпрыгнул на землю. Вошли в большое здание, где на него, Седьмого, накинули белый халат и повели по длинному пустому коридору. В просторной комнате его сразу окружили врачи и какие-то люди в штатском. Они спорили и совещались, рассматривали какие-то фотографии и заглядывали в глаза, один даже попросил открыть рот...

Из их разговоров Седьмой понял, что назавтра назначена операция. Какая операция и зачем – он не знал, знал только, что в его положении не принято задавать вопросы.

В палате была всего одна койка, стул и тумбочка с телефоном. Седьмой подошел к двери и потрогал ручку – заперто. Выглянул в окно. Зарешеченное узорными прутьями, оно выходило в глубокий колодец двора. Осторожно поднял трубку телефона. «Вас слушают», – ответил строгий мужской голос, и Седьмой, он же Евсей, он же Беляев Вадим Петрович, так же осторожно опустил трубку.

Тропа уперлась в ступеньки, которые уводили вверх.

Тусклый свет освещал пустую платформу. Несколько скамеек, навес, телефон. Зачем-то зашел в пропахшую мочой телефонную будку, снял прикованную цепью трубку и, лишь

услышав длинный гудок, понял, что сделает в следующий момент.

Непослушными пальцами набрал несколько заветных цифр.

Это была аварийная связь.

Только сейчас начинал осознавать, какая выстраивалась игра. Его ждали везде и когда уже, казалось, потеряли след, он тут как тут – на «Ближней даче» в Кунцево. Пока будут совещаться, согласовывать, он успеет сделать следующий ход. В сущности, он его уже сделал.

Семь, пять, шесть, два – и где-то на том конце провода исполнится приказ. Семь, пять, шесть, два – таинственный код, который нельзя подслушать и который знают всего двое – он и его двойник Седьмой.

Из сообщения следовало, что двойнику Седьмому необходимо срочно прибыть в Кунцево и дальше действовать по обстоятельствам.

Утром обычно на подпись приносят папку с документами, и он, Седьмой, должен эти документы подписать. Если, конечно, не последует отмена. А эту отмену имеет право сделать только он, Сталин.

А, если не сделает... не успеет? Можно, конечно, поднять тревогу. И тогда – первыми ворвутся люди Берии, которые прослушивают все телефоны и отслеживают каждый его шаг.

Можно по правительственной связи позвонить министру обороны, но все равно люди Берии окажутся на месте первы-

ми. Или вызвать Маленкова и сказать ему, что он, Седьмой, будет теперь вместо него, Сталина, чтобы заманить в ловушку Берию, и с прищуром наблюдать, как будет выкручиваться хитрый лис Маленков...

А еще лучше вызвать Хрущева, который, пованивая потом, будет что-то лепетать о гниде Берия. А он начнет сосредоточенно раскуривать трубку (которую ему подарил Черчилль, хотя, несколько лет назад бросил курить), и пускать дым в свиные глазки Хруща. А потом о звонкую лысину выбивать из трубки остатки пепла.

А Хрущ будет смеяться и терпеть, но так надо, чтобы все это казалось шуткой. И, как всегда, побежит докладывать Берия, что он, Сталин, снова закурил и что это очень плохой знак.

Очень плохой знак.

Несколько смутных теней в конце платформы двинулись в его сторону. А он в ловушке телефонной будки зачем-то пытается держать дверь.

И сразу с холодной ясностью увидел, как просто все произойдет... может произойти в нелепости своей. А утром его найдут в заледеневшей телефонной будке с этой дурацкой трубкой... на цепи.

Но в следующую секунду по снегу полоснул свет, и из леса с ревом вырвался железный зверь, который, тяжело дыша, замер совсем рядом. Двери электрички распахнулись, слов-

но заглывая его внутрь – в кислое тепло нетерпеливо подрагивающего вагона.

Нахохлившихся пассажиров сморил сон, в котором его народ наловчился жить. А по сути, вести другую жизнь – более веселую и счастливую, как в трофейных фильмах, которые он любил и которые так похожи на сон.

И это, конечно, не дело, что его люди сбегают от проблем в сон, где еще неизвестно, что с ними происходит, о чем они думают и что могут преступно замышлять. Не зря сказано, что мы – дети бога, а наша жизнь – сон бога. Сон Бога...

Пришлось даже создать лабораторию, в которой изучают сны. В ней он собрал лучших ученых. Но все ученые его дурят – только делают вид, что к чему-то там приблизились, что вот уже совсем чуть-чуть... А сами дальше гипноза не пошли.

Даже друг его детства Гурджиев знал о сне больше и не уставал повторять, что человек живет во сне и во сне умирает. И считал, что главная цель жизни – пробудиться ото сна, и тогда человек узнает – кто он и зачем пришел.

Но главная тайна оказалась в другом – самому человеку пробудиться не дано. Для этого и нужен вождь, учитель, у которого свой учитель... И так по невидимой цепочке на самый верх – к богу... который такой же учитель и у которого тоже есть свой учитель...

Круг замкнулся. И в центре этого круга еще более главная тайна, которую его друг детства Гурджиев искал всю

свою жизнь. И, по всей видимости, нашел, но в 49 году унес эту тайну с собой. В другую жизнь. Которая, возможно, тоже сон, но этого его ученые пока не открыли. Скорее всего, именно это имел в виду еще один учитель Еврипид, который сказал: «Кто знает, жизнь не есть ли смерть, а смерть не есть ли жизнь?»»

И сразу вспомнил другой круг.

С треском и шипением огонь бежит по кругу, а в центре круга – человек... Он, то приближается к горячей линии, то отскакивает, будто пытается найти выход. И не может.

А невидимые барабаны еще только начинают свой разбег. Словно на каждый звук с окружающих гор срывается такой же невидимый камешек. И все эти люди пришли сюда за своими камешками. Ибо, как написано в книге книг – время разбрасывать камни и время собирать камни.

От бликов огней не разобрать лиц.

В какой-то момент все они начинают вращаться, чтобы стать птицами, которые не горят в огне, искрами взлетая к звездам... Они и кричали, как птицы... гортанными голосами гор... И барабаны били на каком-то немислимом пределе, за который уже не выйти, как этому человеку из горящего круга.

Это был праздник огнепоклонников. И они с Гурджиевым были частью этого праздника, такими же огненными искрами взлетая к звездам.

На обратном пути почему-то не хотелось говорить. Словно с ними произошло что-то посильнее слов.

И лишь несколько месяцев спустя Гурджиев, казалось, без всякой связи спросит: «Помнишь, того человека в огненном круге? Так вот, я его потом нашел... Он сказал, что бог это огонь, а за пределом круга – смерть. То есть, все мы для него считались мертвыми».

Может и эти, в вагоне тоже мертвые? А живые остались там, на остановке. В последний миг их успел разделить бог-огонь. Он только не успел разделить страх. И сейчас этот страх мешает ему закрыть глаза, так как в ту же секунду в этот смертельно несущийся вагон бесцеремонно ввалятся Они, десятируко рванутся к притихшему в углу пальто, с каждым ударом, наполняясь все большей яростью.

Но сейчас он просто дух (которому все равно), летящий над полями и лесами в сторону главного города Земли. И скоро должен показаться огонек, который по мере приближения будет превращаться в огромную, сверкающую звезду самого главного города Земли.

Что-то заставило его прийти в себя. Электричка уже давно стояла у платформы. В вагоне было пусто. За окном большими красными буквами светилось и подрагивало: «Москва».

нельзя, но для него этого слова уже давно не существовало. Там, за заветными желтыми окнами – свет, тепло, люди.

В его жизни было много таких вокзалов, но из всех почему-то больше всего запомнился один.

Даже не столько вокзал, а ресторан – маленький, уютный, с развесистой в кадучке пальмой, за которой, еще не остывшие – Они – четверо молодых людей с гулко стучащими сердцами, молодое вино и их горящие в отблесках свечей глаза.

Несколько часов назад Они совершили очередной «экс» или, попросту говоря, грабанили банк – партийной кассе срочно понадобились деньги.

И сейчас их уже искали по всем дорогам от Тифлиса до Баку. А Они с вызывающей дерзостью кутили на виду почтенной провинциальной публики. Подкупленные филеры бдительно охраняли их покой.

Вот, что значит деньги, много денег! На деньги можно купить все – любого человека со всеми его принципами, самую прекрасную из женщин, самого неподкупного судью, самого хитрого политика – пусть только назовут свою цену.

Между прочим, идею «эксов», то есть «экспроприацией экспроприаторов» или, проще, грабежом почтовых дилижансов и прочих источников денег, ему подал верный друг Гурджиев. Но во время одного из «скачков», как называли они тогда эти «эксы», в 1904 году в районе Чиатурского уще-

лья Гурджиев получил пулю от ретивого охранника капиталистической собственности. И он Сосо, из последних сил на себе тащил Георгия в укромное место, а потом выхаживал его, как заботливая сестра-сиделка, бинтуя кровавую рану.

Он, Сосо, тогда во всем старался подражать своему более старшему и более опытному другу греку Георгию. В семинарии они изучали греческий, который стал их потом тайным языком.

У Гурджиева была мягкая кошачья походка, он курил трубку, которую держал несколько наотмашь, на весу, и, куря, обходил собеседника со всех сторон, как бы осматривая его.

Говорил не спеша, на вопросы отвечал, затянувшись несколько раз трубкой и сделав два-три круга по комнате.

Все это вроде бы обычные действия буквально завораживали собеседника, который становился похожим на трясущегося кролика, не смеющего отвести взгляд от гипнотизирующего его удава.

Так потом будет делать и он, Сосо, чтобы походить на «батона Георгия», который знал о жизни все, но почему-то не стал революционером. Видимо, считал, что есть вещи поважнее революции.

А что касается денег...

Деньги дают власть, предел которой ограничен количеством самих денег.

Но еще большую власть дает тайная организация, которая

захватывает государство, а потом и другие государства. Как попытался это сделать ученик Гурджиева Гитлер и не смог.

А он смог... Или почти смог. Просто у него закончились люди, и не хватило времени. У любого правителя всегда так – или заканчиваются люди или не хватает времени.

11

Высокие дубовые двери то и дело выхлопывали клубы пара, в который, как в парную, ныряли люди. По перрону, поблескивая инструментами, протопали музыканты – целый духовой оркестр. Встречать какого-нибудь припухшего со сна вождя.

Значит, скоро литерный, вокзал, как всегда, оцеплен, и каждого подозрительного лучше проверить на испуг.

От самой этой мысли разволновался чрезвычайно, а от волнения до глупости один шаг. Во что бы то ни стало, хотелось оглянуться, проверить след... и сразу посадить себе на хвост «наружника», который только и ждет, чтобы вцепиться мертвой хваткой.

Но устоял, сдержался – главное, не терять над собой контроль. По опыту знал: надо побыстрее войти в какую-нибудь роль. У каждого человека своя роль.

Вот – солдат, за плечом у него котомка. А этот, в кирзачах – колхозник, напротив – врач с печальными, усталыми глазами. А вот – инженер... у которого от работы за кульма-

ном даже меняется осанка. И взгляд... Словно прицеливается этим своим взглядом.

Обращают внимание лишь на несоответствие. В таком случае, он – учитель, старый сутулый учитель истории, который сам эту историю и делал столько лет. Вот только учеников у него нет. А то рассказал бы им много чего интересного. Да за один только Брест-Литовск Ленина следовало казнить на лобном месте. Так бездарно отдать почти уже победу немцам и на полном серьезе считать это достижением. Не говоря о пройдохе Троцком, который поспешил превратить революцию в концессию. И весь мир в эту концессию поверил, и терпеливо ждал, когда Троцкий начнет возвращать долги. А Троцкий – им в ответ всемирную революцию, которая спишет все долги.

Так или примерно так делается история, о которой потом будут писать книги. Но, как сказал Достоевский: «Настоящая правда всегда неправдоподобна».

Где-то далеко минорно всхлипнул духовой оркестр – музыканты привычно настраивали инструменты. От мороза пальцы теряют чувствительность, и звуки получались с при визгом.

Ему даже на какой-то миг показалось, что это собираются встречать Его, только побежали не к тем дверям. И когда Он появится перед ними во всем своем величии, сразу забудут и про мороз, и про липнущие к металлу пальцы – заиг-

рают, как никогда (лучшее вдохновение – страх) возвышенно и неповторимо, словно в последний раз.

А огромный брюхатый вокзал спал – дышал, ворочался, всхрапывал, под бдительным оком огромной колхозницы со снопом, которая взирала за всем этим великим переселением народов с потолка.

Иногда в ее по-женски всепонимающих глазах проступали недоумение и тоска, словно начинала догадываться, что это не кошмарный сон разума, а ее собственные дети, которые все едут и едут, сами не зная, куда и зачем. Но металлический голос диктора то и дело напоминал колхознице ее место, и она снова окаменевала на своем посту.

Через забитый до предела зал ожидания направился к большим буквам «кассы». От тяжелого духа толпы на миг почувствовал, что задыхается.

Сразу вспомнил Царицын и тысячи людей вот так же брошенных на произвол судьбы. Но тогда была все-таки война с накалом необузданных страстей. А сейчас – мир, порядок, люди сами строят свое будущее. Откуда же в нем взялось это щемящее чувство вины?

Даже отчего-то навернулись слезы.

Впрочем, подобная чувствительность отличала всех великих – от его кумира Ивана Грозного до Адольфа Гитлера. И перед каждым из них вставала великая задача – из гнетущего хаоса родить танцующую звезду.

Но лишь он один, Сталин, смог из мусора войны и рево-

люций построить новый мир, который кто-то по-чиновничьи метко назовет «Системой».

В этой «системе» не будет бога, так как сама «система» будет бог.

Какое-то время он еще по старинке пытался все держать под контролем – то думал, что все будут решать кадры, которые старался подбирать лично.

То думал, что главное – контроль, который надо только усиливать. Ибо человек слаб, и доверять никому нельзя. Даже своим близким, которые в любой момент могут оказаться хуже врагов. А, значит, нужен контроль контроля, как было в добрые царские времена.

И тут произошло то, чего он совсем не ожидал. Он как-то незаметно перестал быть нужен самой «Системе».

Но началась война, и «Система» вернула его в стойло. В сущности, она же его и спасла, когда казалось, что все уже кончено, и в считанные часы могло решиться все.

Он даже готов был заключить с Гитлером мир, по-которому Германии отходила вся захваченная территория, включая и саму Москву. Но Гитлер от его предложения категорически отказался, и это стало самой первой большой победой «Системы».

...Когда-то еще в детстве их утку задрала лиса, и ему самому пришлось выхаживать выводок.

Через несколько дней утята уже принимали его за своего

родителя (кто кормит, тот и родитель) и ходили за ним, как на веревочке.

Их преданность не знала страха. Бросались на его защиту, не раздумывая.

Точно так же с не меньшим успехом можно стать отцом змеи или тигра.

Главное – начинать с детства. И чем раньше, тем лучше. Срабатывает биологический закон жизни, хорошо известный еще в древности.

Так воспитывали на Востоке смертников. Их отнимали у матерей младенцами и содержали при дворе своего повелителя, за которого потом они, не раздумывая, отдавали свои жизни.

Пример тому – Тамерлан.

Но он, Сосо, пошел дальше – сумел стать отцом для всего народа. А народ – это прежде всего дети, о которых он и заботился, не покладая рук.

«Все лучшее у нас – детям!»

Для самых маленьких – ясли, садики. А подрастут – пионерская и комсомольская организации.

Так постепенно и незаметно происходит отлучение от родителей. И только главный вождь всегда оставался рядом, добродушно поглядывая со всех портретов в каждой комнате, в каждой точке такой необъятной страны.

«Великий гуманист и педагог» Надежда Константиновна Крупская (которую после известной статьи еще в эмигра-

ции Менжинского называли за глаза «Коробочкой») даже предлагала изымать детей у родителей сразу после рождения (не зря ей Бог не дал своих).

Но другой «великий гуманист» – Ленин мудро сказал «нет», наверное, подумал, как на этот акт гуманизма отреагирует чадолюбивая Европа.

Оставался другой выход – изолировать от детей родителей. Желательно навсегда или, по крайней мере, достаточно надолго, чтобы хватило времени вылепить («выковать») из детей миллионы послушных исполнителей, готовых на все. Во имя, конечно, новой жизни, ради новых надежд и новых детей. Чтобы когда понадобятся новые смертники, они были готовы на все – «за Родину, за Сталина – у-р-р-а!»

Так постепенно выстраивалась Система.

Вначале с ошибками, с перекосами, с простой человеческой глупостью, когда разум толпы (стаи) оказывался, порой, сильнее разума личности.

Но наступил момент, когда Система стала достраивать себя Сама.

К тому времени ее структура уже была практически готова. Она пронизывала все и вся. А с некоторых пор вдруг начала развиваться по ей одной понятной логике, которую, порой, не понимал даже Он, ее Создатель.

И вот сейчас, в этом огромном вокзале, кажется, наступило прозрение.

Ведь для Системы Он – отец, а от отцов Система приучена избавляться. В этом, в сущности, и заключен главный принцип любого развития. Тот самый закон отрицания отрицания, сформулированный еще в Библии.

Буржуазия породила пролетариат, который стал могильщиком буржуазии. Пролетариат породил Систему, которая стала могильщиком пролетариата. Теперь на очереди Он – ее Отец – создатель, могильщик которого где-то рядом.

Круг замкнулся.

12

КНЯЗЬ

Люди лежали вповалку: женщины с детьми, храпящие мужчины и старики с провалами беззубых ртов, какие-то солдаты с самодельными фанерными чемоданами, и над всем этим витал тяжелый дух портянок и пота. Это был знакомый дух войны, которая, казалось бы, давно закончилась, а новую еще не время было начинать.

Навстречу попалась цыганка, которая почему-то выделила из толпы именно его. Наверное, хотела погадать, но Он рассеянно прошел мимо, и лишь одно слово запоздало шевельнуло память. Это было слово – князь.

Когда-то очень давно, еще в молодости, он и в самом деле считал себя князем, а точнее – побочным сыном князя,

с которым, скорее всего, согрешила или могла, должна была согрешить его мать.

Впрочем, в последнем Он даже сомневался. Значит, и он – князь. И не просто князь, а князь Эгнатошвили – прекрасный древний род (в то время его мать, Кэкэ, служила у них экономкой), своими корнями уходящий в седое прошлое, когда каждый мужчина рождался для войны, и от звона оружия вскипала кровь.

Возможно, потому она и устроилась в имение к князю, чтобы родить его, Сосо...

Так поступали женщины во все века, чтобы сохранить род, и лично он ее за это не осуждал. Ему даже нравилось носить в себе тайну, ореол которой, порой, действовал более неотразимо, чем сама тайна. Особенно в молодости, заставляя неистово биться пылкие сердца провинциалок, начитавшихся всех этих графов Амори и душещипательных французских романов.

Потом, правда, одна тайна сменила собой другую, когда слово «революционер» стало, как признание в любви.

Но здесь о Его пролетарском происхождении уже позаботился бедный сапожник Виссарион.

Хотя, разные ходили слухи.

Был даже слух, что Он сын знаменитого путешественника Николая Михайловича Пржевальского (спору нет – они похожи, достаточно две фотографии поставить рядом), который и в самом деле гостил в то время в имении князя –

в Гори.

Но сколько Он ни выспрашивал мать, Кэкэ – старая развратница лишь загадочно смеялась, задумчиво шурила глаза, словно старалась что-то рассмотреть за туманом времени.

И не могла. Или не хотела, как всякая женщина, предпочитая тайну, которую так и унесла с собой.

Лишь потом, после революции, его люди обнаружили дневник Пржевальского, который, как истинный ученый, имел обыкновение записывать все самые значимые в своей жизни факты и события, и где рождению сына посвящено немало страниц.

А разве не факт, что целых два года ежемесячно, вплоть до самой смерти, он посылал Кэкэ деньги на содержание Сына, которого считал своим?

Была во всей этой истории некая недосказанность, совсем непростительная для вождя его ранга. Но он, в конечном счете, оставил все, как есть.

Уж лучше, чтобы у кормила государства стоял железный грузин Сталин, чем какой-то сомнительного происхождения Пржевальский, от которого за версту попахивает жидовствующей ересью.

Хватит и того, что кто-то на западе распространяет порочащие его слухи. И что фамилия Джугашвили по-грузински означает «сын израилита», так как «джуга» – это «израилит», а «швили» – «сын». Что семья Джугашвили, христианского вероисповедания, происходит от горских евреев Кав-

каза, обращенных в христианство в начале 19 века. Что отец Като (его матери) был евреем старьевщиком в горах Кутаиси. Что Он, Коба, окружил себя евреями, с помощью которых истребляет народ. Чтобы потом на них же, евреев, свалить всю ответственность за свои столь чудовищные преступления. Да и сам Берия – еврей или в лучшем случае – полуеврей, а слово «Берия» – грузинская версия фамилии Берман или Берсон и так далее...

И, конечно, вся эта кампания началась неспроста. Что-то готовится, значит, есть некий План. А, значит, есть и организация, для которой этот План создан. А, если есть организация, то должен быть и глава этой организации. И снова мучительно перебирал – кто?

13

В большом холле по стенам висели указатели: «Буфет», «Камера хранения», «Парикмахерская»...

Сразу представил кресло, запах свежего белья и тепло мягких рук, ее рук, которым он, закрыв глаза, без оглядки доверит свое лицо. Хотя бы на какое-то время расслабиться и забыться.

Обычно в это время суток он ложился спать, и вся огромная страна чутко оберегала его покой, но сегодня эта страна объявила на него охоту.

Сотни и тысячи людей образовали цепь, которая рано или

поздно должна замкнуться, и его, как какого-то волка, накроет черная тень, брызгающих слюной псов. И на ослепительно белом снегу, закрутится смертельная карусель.

Где-то он уже это видел. Наверное, в кино. Вот так же огромный черный волк в предсмертных судорогах корчился на белом, загребая окровавленными лапами снег, как будто все еще продолжал бежать. Но в огромных, почти человеческих, глазах уже угасала жизнь.

Он любил кино. Это была его отдушина и его страсть. За многие годы он пересмотрел сотни фильмов. Особенно после войны. Почти все трофейные фильмы. И, конечно, фильмы о Гитлере, которые смотрел и пересматривал десятки раз, словно пытаюсь понять главное – почему он сделал это? Почему... Почему... Почему...

И сразу вспышка памяти высветила этот день 17 октября 1939г.

Львов.

В ночь на 17 октября 1939 года из столицы СССР был отправлен поезд «Москва – Львов». Внешне он ничем не отличался от других «скорых», колесивших по просторам необъятной железнодорожной державы. Однако отличия все же имелись. На этот поезд не было продано ни одного билета, все вагоны были закрыты, кроме трех в середине состава.

ва: здесь были вагон-кабинет, вагон кухня-столовая и вагон с охраной – солдатами НКВД, которыми командовал комиссар Власик.

Поезду сделали «зеленый коридор». Он шел, а точнее, летел на огромной скорости без остановок, словно разметая в клочья ночь, чтобы утром уже быть на месте.

Оба состава прибыли во Львов практически в одно и то же время. Поезд Гитлера был замаскирован под венгерский экспресс. Вокзал и перрон оцепили. Гитлер поднялся в его вагон, сопровождаемый только личным переводчиком Паулем Шмидтом.

Он, Сталин не взял с собой личного переводчика – Павлова, не взял и переводчика Молотова – Бережкова. Это была секретнейшая поездка и сверхсекретная встреча, согласованная с Гитлером сразу после раздела Польши. Да, в сущности, и никакого раздела не было. Просто настало время вернуть отнятое.

Лично он, Сталин, не любил поляков. Еще со времен революции и гражданской войны, когда понял главное – вся теория классово́й борьбы Маркса-Ленина и прочих «теоретиков» не стоит ломанного гроша, когда в процесс вмешивается национальное.

Так, в сущности, тогда и произошло в Польше. Пока поляки были на территории Украины, их гнали все кому не лень, даже эта бездарь Тухачевский, который возомнил себя великим полководцем и думал на спинах отступающих ворваться

в Варшаву.

Но на территории своей страны в поляках сразу проснулось национальное, и они стали, как один народ. И теперь это была сила, которая сметала на своем пути все – и белых, и красных, и революционеров всех мастей.

Эта сила и вынесла на поверхность Юзефа Пилсудского, которого тут же поддержали Франция, Англия и Америка, которые всегда любили чужими руками жар загребать.

В итоге, поляки оттяпали себе часть Украины, Литвы и Белоруссии. А двадцать тысяч пленных красноармейцев Тухачевского загнали в концлагеря, где все они погибли от голода и болезней.

Но, благодаря Гитлеру, справедливость восторжествовала, и все земли удалось вернуть. И даже заполучить Львов, за который в Гражданскую было пролито столько крови. А вот погибших уже не вернуть. И этого он, Сталин, полякам не простит никогда.

Об этой поездке знали: Молотов, Поскребышев, Берия и Каганович. В поездку Гитлера были посвящены Гиммлер, Геринг, Риббентроп.

В ходе аудиенции Гитлер сообщил ему сведения чрезвычайной важности. Весной, как только позволит обстановка и погода, Германия начнет немедленное наступление на Францию. За Францией придет черед Англии, если она не подпишет с Германией мирный договор.

Поговорили об увеличении поставок нефти, леса, зерна и этой странной руды урана (и зачем только гитлеровским ученым эта руда могла понадобиться?) из СССР в обмен на станки, морские суда и один крейсер. И только после этого он перешел к главному. Тет а тет. Личного переводчика Гитлера Пауля Шмидта попросил выйти.

Он неплохо знал немецкий, даже прочел «Майн Капф» Гитлера в подлиннике. Но разговор предстоял серьезный, а слова могут быть неточными... и тогда собеседнику рано или поздно захочется помочь – подсказать нужное слово... и даже предложение, и ему, Сталину, останется только говорить «да» или «нет». И когда этих «да» и «нет» накопится слишком много, будет уже и не понять, что говорил он, Сталин, и что его визави. Вот в этом и состоит искусство разговора – сказать, ничего не сказав. И чтобы Гитлер его понял. Только мысленно посетовал, что разговор будет происходить в каком-то вагоне.

Нет, люди такого ранга должны встречаться в других условиях. Тогда и разговор будет другой. Ибо все в этом мире связано со всем. И то, о чем можно говорить под русскую водку, совсем пойдет по-другому под вино... Особенно – под грузинское. А что касается пива...

Пиво любил Ленин. На пиве выросли многие революционеры. Но пиво – это не напиток победы, скорее – поражения. Не зря Бисмарк терпеть не мог пива и говорил, что пиво делает людей ленивыми и тупыми. И здесь он, Сталин, с ним

согласен. Но Гитлер не пьет даже пиво. Он вегетарианец. А, значит, они будут пить что-нибудь другое. Но так надо, чтобы соединить несоединимое. Ибо победа бывает только одна. Как и один победитель.

И это был, конечно, не просто разговор. Это была Встреча, чтобы заглянуть друг другу в глаза и понять для себя главное. И этот взгляд был сильнее самых сильных слов.

А еще – это была победа. Может быть, даже главная его победа, так как это была победа без войны. И цена этой победы – 300—400 километров территории (Белоруссии, Украины и Румынии), за которые он когда-то проливал кровь.

Но было в этой победе и еще что-то, что он пока не понимал. Снова и снова прокручивал и анализировал каждое слово, каждый жест и каждый взгляд.

Когда-то дедушка Резо ему рассказывал, что волки никогда не начинают смертельную схватку просто так. А сначала смотрят друг другу в глаза. И кто первый отведет взгляд, тот и слабее. И можно смертельную схватку уже не начинать.

Взгляд – это оружие не менее грозное, чем меч или пистолет. Им нужно пользоваться очень осторожно. Глаза – это фокус энергии. Это средоточие твоего духа. Собери в них свою силу и, когда настанет момент, ударь лучами своей энергии. И тогда твои враги почувствуют это. Обязательно почувствуют. Смерть невозможно не почувствовать, когда она смотрит тебе в лицо.

Так или примерно так говорил ему Гурджиев, у которого

со смертью были свои счеты. Как-то он даже на спор смог за сто километров убить яка, которому мысленно на расстоянии просто посмотрел в глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.